

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. В. Герш.</i> «Я в мере сил моих, по голосу сознания и велению совести исполняю свой гражданский долг»: <i>И. М. Гревс</i> — (не)медиевист	8
<i>К. В. Герш, А. И. Ключев.</i> Структура издания. Принципы публикации. Благодарности	27

I. Статьи из периодических изданий и сборников

Петербургский банкет	30
Забытая наука и униженное звание (по поводу статьи проф[ессора] В. И. Вернадского)	36
Нужды просвещения (записка 342[-х] ученых)	48
Письмо 23[-х] профессоров	54
Возродится ли у нас подорванное научное просвещение?	58
Временные правила 27 августа об управлении университетами и освобождение науки	68
Сергею Николаевичу Трубецкому (памяти погибшего защитника идейности)	84
Идейная борьба и созидательная работа в революции (к истолкованию души конституционно-демократической партии)	100
Дружно к урнам!	133
После побед (конституционно-демократическая партия у входа в Думу)	141
Не разрознят они нас и никого не обманут!	151
Из политических настроений четверть века назад	157
К просветительной взаимопомощи	180
В честь доброго носителя веры, идеи и активной любви (сборник статей в память кн[язя] С. Н. Трубецкого. «Вопросы философии и психологии». 1906, янв[арь]–фев[раль])	184
Университеты под режимом 8-го июля 1906 г.	202

Строительство и разрушение в нашей высшей школе . . .	223
Памяти В. А. Фаусека	255
Памяти Виктора Андреевича Фаусека (речь, произнесенная на С[анкт]-П[етер]б[ургских] высших женских курсах 5 сентября 1910 г.)	261
Николаю Ивановичу Карееву (сорок лет труда за культуру)	272
Добрый учитель (памяти Н. В. Дмитриева)	280
Речь пр[офессора] И. М. Гревса	285
Новые научные периодические органы по истории в России (в ожидании «Русского исторического журнала»)	288
Старый революционер за «эволюцию»	301
Женская и мужская молодежь в высшей школе	306
Молодежь и революция.	311
Как искоренить беспризорность детей? (К новым районным думам)	318
Демократия и наука*	323
Университетская и современная жизнь (по поводу совещания деятелей высшей школы)	332
Занятие Смольного института	338
Лига русской культуры	345
Русским-украинцам	351
Култ революции	361
Последнее прости мученикам высокой любви	373
За духовную культуру России	379
Истребление лучших	386
Гибнущее достояние.	397
Гибель одного культурного дела	409
«Свободные голоса».	415
Два педагогических идеала	422
На путях обновления образования	435
Ольга Константиновна Нечаева в ее работе для С[анкт]-П[етер]б[ургских] высших женских курсов	449

II. Статьи и письма, извлеченные из архивов

Освобождение науки	468
Умейте быть справедливым! (Открытое письмо В. В. Водовозову)	480
Критика-поддержка и критика-подрыв	488
[Речь, произнесенная И. М. Гревсом перед студентами Санкт-Петербургского университета в начале 1906–1907 учебного года, о политической обстановке]	503
Письма И. М. Гревса в редакцию газеты «Речь»	507
О студенческих организациях,	515
Народное просвещение в грядущей России	528
Письмо И. М. Гревса А. Л. Волынскому	548
Церковь и интеллигенция	550
 Список сокращений	 565
Сведения об авторах	566
Указатель имен	567

«Я в мере сил моих, по голосу сознания и велению совести исполняю свой гражданский долг»

И. М. Гревс — (не)медиевист

Фигура Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) хорошо известна историкам-медиевистам и в целом научному историческому сообществу. На протяжении многих лет он читал общий курс истории Средних веков и специальные курсы в Петербургском университете и на Высших женских курсах. Его ученики составили цвет российской медиевистики первой половины XX в., а сфера его непосредственных научных интересов была связана с изучением проблем средневековой западноевропейской культуры.

Интерес к изучению творческого наследия И. М. Гревса огромен — это и анализ коммуникативных практик через эпистолярное наследие историка, и изучение биографического и автобиографического нарратива, и проблемы краеведческой, экскурсионной деятельности, урбанистики, и публикация архивных источников¹. И. М. Гревс известен как историк, краевед, экскурсионный работник, педагог, культуролог, но в меньшей степени как публицист, активный

¹ Формат вступительной статьи не дает автору возможности привести и проанализировать многочисленную литературу, посвященную жизни и творчеству И. М. Гревса. Отметим, однако, несколько наиболее важных работ; см.: *Скржинская Е. Ч.* Иван Михайлович Гревс: биогр. очерк // Гревс И. М. Тацит. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 223–248; *Скворцова Т. Н.* И. М. Гревс как учитель и ученик // Российские университеты в XVIII–XX веках. Вып. 5. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. С. 183–200; *Человек с открытым сердцем: автобиогр. и эпистоляр. наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / Авт.-сост. О. Б. Вахромеева.* СПб., 2004; *Вахромеева О. Б.* Духовное единение: к изучению творч. биогр. И. М. Гревса. СПб.: Знаменитые универсаны, 2005; *Каганович Б. С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. С. 11–84; *Бамбизова К. В.* Историческая концепция Ивана Михайловича Гревса — основоположника Петербургской школы медиевистики: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008; *Свешников А. В.* Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX века: судьба науч. сообщества. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2016; *Каганович Б. С.* Иван Михайлович Гревс // Исследования по историографии. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2025. С. 187–240; и др.

участник общественно-политической жизни России начала XX в. Между тем он был автором нескольких десятков статей, опубликованных в различных периодических изданиях. Однако эти статьи прошли мимо авторов работ по истории российского либерализма¹, в частности, политической активности историков начала XX века², равно как авторов исследований, посвященных изучению жизни и творчества И.М. Гревса. Последних в большей степени привлекали его публицистические статьи по вопросам краеведения и проблемам образования. Исключениями здесь являются статья Б.С. Кагановича³, в которой показана связь историка с либеральным движением рубежа веков, и монография А.Ю. Сизовой о реформировании высшей школы периода Временного правительства, происходившем при участии И.М. Гревса⁴.

Принципиальный вопрос «Зачем изучать историю?» и более частный «Зачем в России вообще нужна медиевистика?» на разных этапах развития профессиональной исторической науки периодически приобретает особую остроту и актуальность как для историков исторической науки, так и для собственно медиевистов. Поскольку универсального ответа на этот вопрос не было вырабатано, следует, видимо, исходить из того, что ответ может быть сугубо контекстуальный. Другими словами, в разное время, ориентируясь на различные актуальные в данный момент интеллектуальные, политические и культурные контексты, российские медиевисты по-разному обосновывали «право на жизнь» своей научной дисциплины.

В этой связи путь И.М. Гревса в публицистику является одним из вариантов такой профессиональной общественно-политической самореализации. Это

¹ Шаццлло К. Ф. Русский либерализм накануне революции, 1905–1907 гг. Организация. Программы. Тактика. М.: Наука, 1985; Шелохаев В. В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии, 1905–1914 гг. М.: Наука, 1991; Российские либералы: сб. ст. / Под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2001; Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2003; Селезнев Ф. А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2006; Российский либерализм: идеи и люди / Под ред. А.А. Кара-Мурзы. М.: Новое изд-во, 2007; Российский либерализм середины XVIII — начала XX века: энцикл. / Редкол.: В.В. Шелохаев (отв. ред.) и др. М.: РОССПЭН, 2010; Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М.: РОССПЭН, 2015; Соловьев К. Союз Освобождения: либерал. оппозиция в России нач. XX века. М.: Новое лит. обозрение, 2021.

² См., например: Волобуев О. В. Революция 1905–1907 гг. в публицистике русских буржуазных историков // Исторические записки. 1978. Т. 102. С. 287–325; Шарова А. В. Всеобщая история в общественно-политической жизни России начала XX в. // Средневековая Европа: Восток и Запад. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 367–412; Грибовский М. В. Политическая активность «левой» университетской профессуры в России в конце XIX — начале XX веков // Новый исторический вестник. 2015. № 2. С. 54–72.

³ Каганович Б.С. О генезисе идеологии «Ольденбургского кружка» и «Приютина братства» // Русская эмиграция до 1917 г. — лаборатория либеральной и революционной мысли: [сб. ст.]. СПб.: Европ. дом, 1997. С. 90–103.

⁴ Сизова А.Ю. Российская высшая школа в 1917 году: между самодержавием и большевизмом. М.: Проспект, 2017.

явление нельзя назвать уникальным; скорее оно типичное. Уникальность такого пути была связана не с общей тенденцией рубежа XIX–XX вв., а с индивидуальными стратегиями конкретных историков. Ведь путь И. М. Гревса был характерен для многих ученых тогдашнего времени (Н. И. Кареева, В. И. Вернадского, П. Н. Милюкова, П. Г. Виноградова, И. А. Покровского, Ф. Ф. Зелинского и мн. др.). Взаимовлияние политики, общественной жизни и науки особенно ощущалось в ключевые моменты российской истории — периоды войн и революций. Это выражалось, с одной стороны, в активном участии в общественно-политической жизни государства, реализации своего гражданского долга (участии в кружках, земском движении, политических партиях, Государственной думе, думских комиссиях, различных реформаторских подкомиссиях, выражении своей позиции в печати и пр.), а с другой — в выполнении своего профессионального долга: профессорства.

Стремление И. М. Гревса примерить на себя роль публициста определяется рядом факторов и причин. Во-первых, свою роль сыграло обострение внутриполитической обстановки и активизация различных форм оппозиционной деятельности в России в 1905–1907 гг. В форме студенческих волнений протестные движения напрямую затронули университет и Высшие женские курсы, где служил историк. Во-вторых, обнародование Манифеста свобод 17 октября 1905 г., который даровал неприкосновенность личности, свободу слова и политических союзов, привело к резкому увеличению количества различных оппозиционных печатных изданий, в том числе либеральной направленности. В-третьих, это был период всплеска политической активности коллег и близких друзей историка, от которого он не смог остаться в стороне¹.

Формирование общественно-политических взглядов И. М. Гревса было непростым, его путь к либерализму — извилистым, обусловленным разными факторами. Да и сам либерализм историка был весьма своеобразным на разных отрезках его жизни. Гревс-либерал периода Первой русской революции, эпох 1917–1918 гг. и 1920-х гг. не совсем один и тот же человек.

Еще в гимназические и университетские годы историк был связан с оппозиционным движением. Его друзьями были М. Н. Чернышевский, В. В. Водозов и др. Он был увлечен левыми идеями революционного народничества: знакомился с народнической литературой, участвовал в ее распространении.

¹ См. о политической активности российской профессуры на рубеже XIX–XX вв.: *Иванов А. Е.* В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // *Власть и наука, ученые и власть, 1880 — начало 1920-х гг.: материалы междунар. науч. colloквиума.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 202–212; *Ростовцев Е. А.* Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражд. о-ву // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: ун-ты Росс. империи в образоват. пространстве Центр. и Вост. Европы XVIII — нач. XX вв. М., 2009. С. 139–156; *Грибовский М. В.* Политическая активность «левой» университетской профессуры в России в конце XIX — начале XX веков // *Новый исторический вестник.* 2015. № 2. С. 54–72; и др.

Гревс-студент был даже арестован на неделю в 1884 г. по делу «Народной воли» (дело М. Орлова, Н. Воронцовой и др.)¹. С того же времени он состоял под «надзором полиции» вплоть до начала XX в. В целом, к либерализму в этот период историк испытывал презрительное отношение: «Либерал-постепеновец — презрительное именование у поколения молодежи 1880-х гг., почти хуже, чем консерватор или реакционер»². Но по типу темперамента И. М. Гревс вовсе не был революционером, насилие и открытый протест были для него противоестественными; замкнутость и тихость будущего историка скорее отражали внутреннюю переработку и обдумывание революционно-народнических идей, увлечение которыми больше было данью моде, товарищеским долгом, чем осознанным выбором жизненной стратегии.

Как и многих современников, И. М. Гревса захватила и популярная в то время марксистская идеология, и это, несомненно, нашло отражение в выборе тематики научного исследования с особым интересом к экономическим и социальным процессам поздней античности. Его магистерская диссертация «Очерки по истории римского землевладения во времена империи» (1899), несмотря на своеобразие подходов и методов, стала следствием такого увлечения. Но марксизм как на рубеже XIX–XX вв., так в 1920-е гг. для ученого был лишь одной из научных идеологий (методологий), имеющих право на существование.

На идейное мировоззрение И. М. Гревса серьезное влияние оказало и университетское студенческое Научно-литературное общество (1882) под руководством профессора истории русской литературы славянофила О. Ф. Миллера. В его работе принимали участие революционер А. И. Ульянов, один из лидеров общества, а также будущие близкие друзья И. М. Гревса: братья Ольденбурги, историки А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Корнилов, экономист А. А. Кауфман, естественник В. И. Вернадский, филолог Д. И. Шаховской и др. В дальнейшем именно они составят ядро Приютинского братства (1886) — дружеского объединения будущих ученых и просветителей. Этот кружок сыграл важную роль в формировании идеологии либерального движения и кадетской партии (конституционалистов-демократов).

Знакомству с западной либеральной идеологией, системой среднего и университетского образования способствовали и заграничные командировки 1890-х гг. (1890–1892, 1894–1895). И. М. Гревс побывал в Германии, Швейцарии, Австрии, Франции, Италии. Особый восторг у него вызвал Париж, а Италия стала для него «отчим домом». В научном плане он всегда считал себя последователем не немецкой научной школы, традиционной для русских историков, а французской. Именно за границей И. М. Гревс окончательно стал западником, завязал связи со многими культурными и общественно-политическими

¹ Каганович Б. С. Русские медиевисты первой половины XX века. С. 15.

² Гревс Ив. Культ революции // Русская свобода. 1917. № 24–25 (от 15 окт.). С. 20.

деятелями, например, поэтом и философом Вяч. Ивановым, семьей эмигрантов Гольштейнов, историками П. Н. Милюковым, М. П. Драгомановым и др. В это время Гревс был увлечен именно «левым либерализмом», из которого позднее выросли Союз освобождения и конституционно-демократическая партия. Как В. И. Вернадский и Д. И. Шаховской, И. М. Гревс органично, незаметно стал кадетом в дружеском кругу¹. В 1899 г. он был отстранен от преподавания в университете «секретным приказом министра народного просвещения»². В этом же году получил (оставшееся, правда, нереализованным) приглашение о сотрудничестве с либеральным народническим журналом «Русское богатство»³. Снизив свою политическую активность, в 1901 г. он вернулся на Высшие женские курсы, а в 1902 г. — в университет, а начало его систематической деятельности в качестве публициста связано с событиями конца 1904 — начала 1905 гг.

И. М. Гревс участвовал в знаменитой встрече русских либералов в июле 1903 г. в Шафгаузене, на которой было принято решение о создании Союза освобождения — ядра будущей партии кадетов. А в октябре 1905 г. вместе со многими друзьями и единомышленниками он совершенно ожидаемо вступил в ряды кадетской партии, отстаивавшей принципы мирного культурного прогресса и парламентской свободы: «После Манифеста 17 октября 1905 г. мы считали своим долгом присоединиться к той партии, которая наиболее подходила к нашим воззрениям, направленным к утверждению права, политической свободы и демократического строя. Поэтому вошли в состав организации „народной свободы“»⁴. Историк стал одним из активных ее участников. В 1906 г. он гордился своим членством в партии, всячески подчеркивал свое родство с партийной идеологией, отстаивая ее программные требования, вступая в спор даже с близкими друзьями⁵.

Конечно, как и любая партия, конституционно-демократическая партия не была монолитной в идейном содержании, как бы этого ни хотели ее лидеры.

¹ Шаховской Д. И. Письма о Братстве / Публ. Ф. Ф. Перченка, А. Б. Рогинского, М. Ю. Сорокиной // Звенья: ист. альм. Вып. 2. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1992. С. 179.

² Человек с открытым сердцем... С. 266; См. также об эпизоде увольнения И. М. Гревса: Грачева Е., Востриков А. *Reservatio mentalis*, или И. М. Гревс и И. А. Шляпкин в 1899 году // Прекраснейшей: сб. памяти Елены Душечкиной. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 169–171; Митрофанов В. В. «...Шовинизм в преподавании только подрывает любовь к родине и обратит ее в пустое слово»: письма И. М. Гревса С. Ф. Платонову (1892–1902) // Вестник Северо-Восточного государственного университета. Сер.: История. 2023. Т. 4. Вып. 2. С. 114–145.

³ См.: Письмо Н. К. Михайловского И. М. Гревсу от 6 сент. 1899 г. // СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 200. Л. 1; письмо И. М. Гревса Н. К. Михайловскому от 15 нояб. 1899 г. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 181. Оп. 3. Д. 80. Л. 2.

⁴ Гревс И. М. Иосиф Алексеевич Покровский (набросок воспоминаний о друге) // СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 11 об.

⁵ Гревс Ив. Не разрознят они нас и никого не обманут! // Речь. 1906. 13 апр. № 47. С. 2; Он же. Умейте быть справедливым! (Открытое письмо В. В. Водовозову) // ГА РФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2134.

Вопрос о принадлежности И. М. Гревса к спектру кадетской партии решается неоднозначно. В научной литературе историка порой относят к правым кадетам и даже к сторонникам либерально-консервативной славянофильской традиции¹. Сам же И. М. Гревс причислял себя к левому крылу конституционалистов-демократов².

Несмотря на активную политическую позицию, публицистическую деятельность, вхождение в так называемый «актив партии», И. М. Гревс не входил в ЦК конституционно-демократической партии (в ЦК, например, входили его друзья и коллеги: Д. И. Шаховской, А. А. Корнилов, Л. И. Петражицкий, И. И. Петрункевич и др.); не печатался в ее главном журнале «Вестник партии народной свободы»; не публиковался у П. Б. Струве в «Освобождении» и «Русской мысли», хотя высоко оценивал его вклад в развитие либерального движения: «Струве — вдохновитель партии, самый смелый пропагандист»³, по мысли И. М. Гревса в 1900-х гг. И здесь возникает закономерный вопрос о причинах такой позиции.

Во-первых, как часто отмечал сам И. М. Гревс, он был противником «доктринерства», выступал за гибкость партийной линии, поиск компромиссов. Несмотря на то, что историк был верующим человеком, он никогда не воспринимал политику как религию, был далек от фанатичности, догматичного отношения к партийным установкам, культового отношения к программе партии. Уже в 1920-е гг. И. М. Гревс вспоминал, что он был «недисциплинированным кадетом»: «Нам часто было тяжело в партийных рядах: многое рисовалось догматичным, многие компромиссы казались неприятны»⁴. Выстраивая общественные роли «профессор», «кадет», он всегда на первое место ставил профессорство. «Перед вами мы будем являться не „к[онституционалистами]-д[емократами]“, а учеными. Мы ставим выше всего научные ценности и надемся, что умеем быть беспристрастными при проведении их в жизнь»⁵, — так И. М. Гревс уверял слушателей высших историко-юридических курсов при гимназии М. Н. Стоюниной в сентябре 1906 г. Не случайно многие статьи историка обязательно заканчивались указанием на эту роль: «профессор Иван Гревс».

Что касается программных и текущих вопросов, то И. М. Гревс не разделял лозунга кадетов «Война до победного конца», был противником открытой

¹ Жердева Ю. А. «Рожденные» в 1917-м: обществ.-полит. движение «Лига русской культуры» // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования: сб. науч. ст. / Отв. ред. М. В. Друзин. СПб.; Киев; Минск: Нестор-История, 2008. С. 533–534.

² Гревс И. М. Иосиф Алексеевич Покровский... Л. 11 об. — 12.

³ Гревс Ив. Идеиная борьба и созидательная работа в революции (к истолкованию души конституционно-демократической партии) // Полярная звезда. 1906. № 12. С. 55–56.

⁴ Гревс И. М. Иосиф Алексеевич Покровский... Л. 11 об.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 292. Л. 14.

пропаганды в стенах университета, считая, что профессорская трибуна не может предназначаться для агитации представителям как центристских, так и левых и правых партий. В разгар очередной предвыборной кампании он, пользуясь правом декана историко-филологического факультета, отказал кадетам в предоставлении трибуны на Высших женских курсах, пойдя на конфликт с П. Н. Милюковым, и даже хотел выйти из состава конституционно-демократической партии¹: «Мы были тверды в следовании девизу: университет для науки. Мы стремились очистить [университет] для высшего просвещения от давления политики, всякой политики, какою бы партией она ни проводилась»²; «Культура выше политики. Университет выше партий»³. Позднее И. М. Гревс разочаровался в национальной стратегии «воинствующего национализма» П. Б. Струве, выступая за «разумный национализм».

В целом деятельность Гревса-публициста охватывает период около двадцати лет, с 1904 по 1922 гг., и связана в основном с либеральными (кадетскими) изданиями. Он публиковался в еженедельниках «Полярная звезда», «Свобода и культура», «Право», «Русская свобода», «Вестник культуры и политики», газетах «Наши дни», «Речь / Наш век», журнале «Педагогическая мысль». Еженедельники постепенно уступали место оперативной газетной печати, не случайно наибольшее количество статей, опубликованных историком, мы находим на страницах главной кадетской газеты «Речь». В архивных фондах сохранились письма ученого в редакцию этой газеты⁴. Эта переписка, с одной стороны, позволяет проследить процесс коммуникации между руководством редакции и ее сотрудником, а с другой — самоидентификацию И. М. Гревса, который позиционировал себя как «преданный друг» газеты «Речь», «постоянный читатель и искренний (хоть и второстепенный) сотрудник»⁵.

Кроме газеты «Речь» ученый обещал сотрудничество с такими изданиями, как «Реформа», «Сын Отечества», «Свободный народ», которое так и не было реализовано. После Октябрьского переворота 1917 г. историк пытался сотрудничать уже с любыми небольшевистскими изданиями. Например, летом 1918 г. И. М. Гревс планировал опубликовать в «Биржевых ведомостях» статью «Церковь и интеллигенция», но газета, закрытая большевиками в октябре 1917 г., так и не возобновила свою деятельность⁶. С 1922 по 1924 гг. он также был одним из редакторов журнала «Педагогическая мысль», выпускавшегося издательством

¹ См. подробнее об этом эпизоде: СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 292. Л. 14.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Письма И. М. Гревса в редакцию газеты «Речь» // РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 272.

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ См.: Письмо И. М. Гревса А. Л. Волынскому от 8 июня 1918 г. [в редакцию газеты «Биржевые ведомости»] // Там же. Ф. 95. Оп. 1. Д. 447. Л. 1.

«Брокгауз и Ефрон», — единственного педагогического периодического органа, который выступил против политизации и идеологизации школы. Но в 1924 г. из-за публикации статей П. Ф. Каптерева, А. П. Пинкевича и И. М. Гревса журнал был закрыт.

В результате поисковой работы на страницах периодических изданий было обнаружено 38 статей И. М. Гревса¹, еще около десятка по разным причинам так и не были опубликованы, оставшись в черновиках. Мы можем выделить два «пика публицистической активности» И. М. Гревса — 1904–1906 гг. (12 статей) и 1917–1918 гг. (17 статей). Рост этой активности напрямую был связан с политической повесткой и революционными событиями. Заметим, что именно в эти периоды «публицистической активности» происходило вполне объяснимое замирание «научной активности» ученого. В промежутках между этими датами историк публиковал статьи, но гораздо реже: 1908–1914 гг. — 6, 1921–1928 гг. — 3.

Тематика статей И. М. Гревса определялась двумя моментами — актуальной политической ситуацией и кругом вопросов, в которых он считал себя относительно компетентным. Начал он как автор, с одной стороны, пытающийся обосновать в своих статьях вопросы тактики и идеологии партии кадетов на думских выборах, а с другой — как эксперт в вопросах высшей школы, университетов.

Часть своих статей И. М. Гревс называл фельетонами, которые, как правило, располагались в «подвале» центральных страниц газет; кроме того, мы встречаем статьи, заметки, речи, поздравительные и мемориальные тексты. В еженедельниках некоторые статьи выходили в двух частях (таких текстов оказалось четыре). Будучи активным участником общественного движения, историк участвовал в подписании различных коллективных записок, петиций, в том числе резолюции 20 ноября 1904 г., принятой на банкете «представителей интеллигентских профессий г. С.-Петербурга» по поводу 40-летия судебной реформы, приветствия «Депутатам Первой думы, вышедшим из тюрьмы» (1908), воззвания по делу Бейлиса «К русскому обществу (по поводу кровавого навета на евреев)» (1911) и др.

В своих первых статьях И. М. Гревс анализировал ситуацию, связанную с прекращением занятий в Петербургском университете, знаменитыми «Письмом 23-х профессоров» и «Запиской 342-х ученых» (к которым он присоединился), критиковал правительственную политику в сфере высшей школы, выступая идеологом свободной науки и преподавания, призывал к немедленной реформе высшего образования. Вслед за К. А. Тимирязевым, В. И. Вернадским

¹ Уточним методологию подсчетов статей. Под статьями мы понимаем весь опубликованный публицистический нарратив И. М. Гревса, то есть статьи и памятные речи в периодической печати, а также в сборниках. Статья, которая была написана в двух частях, считалась как одна единица. В указанное количество не попали подписанные И. М. Гревсом резолюции, записки, отдельные отгиски опубликованных статей.

и другими профессорами И. М. Гревс стал активным сторонником созыва съезда профессоров, вошел в состав Академического союза¹.

Затем вышел целый блок статей, появление которых было связано с выборами в Первую и Вторую Государственные думы. В них И. М. Гревс призывал избирателей принять активное участие в выборах и отдать свой голос за кадетскую партию, программу которой он пытался разъяснить читателю. В своей публицистике историк не использовал «унизирующее прозвище» «кадеты», считал его оскорбительным, подчеркивал, что его употребляли, как правило, противники и критики партии. Для него партия народной свободы — это «честный борец за „мирную революцию“». Он критиковал тактику левых партий, призывавших к бойкоту выборов в Думу, просил их отказаться от насилия и перейти к сотрудничеству с конституционалистами-демократами. Истоки политического радикализма, пустившего корни в обществе, И. М. Гревс усматривал в традициях революционных народников 1870-х гг.²

Идеальной моделью государства для И. М. Гревса были ограниченная монархия или республика; интересно, что историк не видел между ними принципиальной разницы. Главным было соблюдение баланса между разными ветвями власти и ответственность власти перед обществом, возможность открытого диалога, свободы во всех ее проявлениях, то есть то, что мы сегодня называем гражданским обществом. Гревс-кадет был противником многопартийности, считая русское общество незрелым и неготовым к излишней политической поляризации. Идеалом рисовалась двухпартийная политическая система, именно поэтому на страницах печати он постоянно призывал к объединению сил различных партий и созданию коалиций.

После 1906 г. он вновь переключился на критику правительственной политики в области высшего образования, а также затрагивал вопрос о реформе среднего образования и подготовке учителей нового поколения. Долгие годы И. М. Гревс преподавал в разных средних учебных заведениях Петербурга, хорошо был знаком с проблемами гимназий изнутри, поэтому активно поддерживал деятельность Союза учителей и деятелей средней школы, выступал в качестве эксперта в разных комиссиях и совещаниях по школьным вопросам.

Правительственная реакция с 1907 г. заставила И. М. Гревса почти уйти из публицистики, не затрагивать политической повестки. Он полностью погрузился в административную работу, вел «тихую» борьбу в стенах университета, Высших женских курсов, гимназиях и высших вечерних курсах при гимназии

¹ О деятельности Академического союза см.: *Иванов А. Е.* В преддверии кадетской партии...; *Он же.* Академический союз // *Российский либерализм середины XVIII — начала XX века...* С. 17–19.

² *Гревс Ив.* Из политических настроений четверть века назад // *Свобода и культура.* 1906. № 7. С. 490–513.

М.Н. Стоюниной. Исключением здесь является статья 1908 г., посвященная, с одной стороны, истории просвещения и образования в России XVIII–XIX вв., а с другой — анализу университетского вопроса за последние три учебных года, где И.М. Гревс опирался на личный опыт сохранения порядка в университете: «Мы боролись против анархии в университете — всякой анархии и произвола, как реакционных, так и революционных, — всеми мерами, допустимыми разумом и совестью граждан, стоящих за право...»¹. Историк обыгрывал столыпинскую формулу «успокоение и реформы» и ставил на повестку вопрос о продолжении реформ. В этой «заключительной» статье нет призывов к активным действиям, есть только стойкое желание быть услышанным: «Хотел бы быть выслушан и обществом, и правительством и убедить обоих в правильности нарисованной картины и сделанного вывода»².

С 1907 г. И.М. Гревс почти на десять лет исчез со страниц газет и еженедельников, публикуя только юбилейно-мемориальный нарратив, посвященный другу и коллеге Н.И. Карееву (1913), «борцу за университет» С.Н. Трубецкому (1905, 1906), директору Высших женских курсов В.А. Фаусеку (1910), однокласснику по гимназии Н.В. Дмитриеву (1914), общественной деятельнице и педагогу В.П. Тарновской (1914).

Начало Первой мировой войны не заставило И.М. Гревса вернуться в публицистику. Война стала серьезным испытанием и для научно-университетского сообщества. «Разгул» патриотизма и национализма менял облик ученой корпорации. И.М. Гревс не только не присоединился к «течению профессоров-патриотов» (хотя первое время он, как и многие, был убежден в безусловной вине Германии в развязывании войны³), но и выступал против кампании по борьбе с «немецким засильем» в 1914–1917 гг., вступая в споры с партийными лидерами, коллегами и друзьями М.И. Ростовцевым, Э.Д. Гриммом, Н.И. Кареевым⁴ и др. Такая особая позиция И.М. Гревса, скорее всего, объясняется не столько отстаиванием либеральных ценностей, сколько приверженностью идеям «христианского гуманизма», «всечеловеческой цивилизации», где национальные границы и интересы не играют столь важной роли.

Новый всплеск активности Гревса-публициста приходится на 1917–1918 гг. В 1917 г. И.М. Гревс тесно сотрудничал с Временным правительством, в составе которого были друзья историка С.Ф. Ольденбург и Д.И. Шаховской: входил в состав комиссии по реформе высшей школы, Государственный комитет по народному образованию, участвовал в подготовке реформы высшего женского

¹ Гревс Ив. Строительство и разрушение в высшей школе // Право. 1908. 3 авг. № 31. Стб. 1670.

² Там же. Стб. 1678.

³ Гревс И.М. Иосиф Алексеевич Покровский... Л. 23.

⁴ См. подробнее: Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи... С. 664–697.

образования. Между 3 и 20 сентября 1917 г. он при содействии П. Б. Струве был принят в число действительных членов «Лиги русской культуры»¹.

Тематика статей, написанных в этот период, более разнообразна. И. М. Гревс давал оценку революционному процессу и его негативным последствиям, в том числе революционному террору и классовой борьбе, затрагивал национальный вопрос (в особенности близкий историку — украинский), оценивал возможность участия молодежи в революции, рассматривал правительственную политику в области высшего и среднего образования, науки, свободы слова и органов периодической печати, прорисовывая перспективы дальнейшего развития в новых условиях, призывал к духовному единению и религиозному возрождению. Его интересовали не только глобальные вопросы сохранения культуры и национального достояния (например, деятельность «Лиги русской культуры»), но и проблемы детской беспризорности и их решение на местном уровне, привлечение общественного внимания к убийству А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина, закрытию периодических органов печати, уничтожению дворянских усадеб и пр.

По своему содержанию эти статьи, с одной стороны, как и ранее, совпадают с кадетскими позициями и оценками, а с другой — в них заметно усиливаются антибольшевистская и религиозная направленности, которые в конце концов сделали деятельность Гревса-публициста после революции практически невозможной.

На глазах историка происходило «крушение старой России», «судороги беспорядочных социалистических проб», и, в конце концов, страна «рухнула в анархию». Летом — осенью 1917 г. И. М. Гревс работал над очерками о реформе общего образования — «О студенческих организациях»², «Народное просвещение в грядущей России»³, планируя опубликовать их в газете «Речь» в форме фельетонов или статей. «У меня намечается целый ряд вопросов, и я бы излагал их от времени до времени (скажем, раза два-три в месяц в течение лета). Мне бы важно высказать выводы, накопленные опытом. А может быть, и для газеты это было бы небезынтересно»⁴, — делился И. М. Гревс своими планами в письме близкому другу В. И. Вернадскому. Но публикация этих статей не состоялась. Возможно, к концу лета 1917 г. сказалась усталость от политической борьбы, историк все чаще стал «жить в себе», отдаляясь от активной общественно-политической жизни: «Особенно чувствую все время, как я не

¹ Жердева Ю. А. «Рожденные» в 1917-м: обществ.-полит. движение «Лига русской культуры». С. 537.

² Гревс Ив., проф. О студенческих организациях // СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 272.

³ [Гревс Ив.]. Народное просвещение в грядущей России // Там же. Д. 58.

⁴ Письмо И. М. Гревса В. И. Вернадскому от 2 июня 1917 г. // АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 459. Л. 18 — 18 об.

годен к политической деятельности, как она противна всей моей натуре»¹. Ну а большевистский переворот сделал в конечном счете эти публикации невозможными, да и бессмысленными в новых реалиях. И. М. Гревс, как и многие другие, не всегда поспевал за скоростью сменяющихся событий и происходивших перемен в стране, не хватало времени осмыслить и до конца оформить свои мысли. Последняя подготовленная статья И. М. Гревса в жанре политической публицистики — «Церковь и интеллигенция»² (написанная летом 1918 г.), публикации которой он так и не дождался.

События октября 1917 г. И. М. Гревс воспринял как катастрофу, великое бедствие, «страшную годину русской жизни». В отличие от оценок революций 1905–1907 гг. и февраля 1917 г. Октябрьскую революцию (именно так обозначал ее историк) он рассматривал исключительно с деструктивной стороны. Если предыдущие революции в России были «разумными революциями», следствием «переработки стихии разумом», а значит, основой прогресса, то последняя была олицетворением разрушительной силы, противоречила законам эволюции. Ученый пытался найти реализацию классической французской формулы «свобода, равенство и братство» в современных событиях и не находил ее. Революции И. М. Гревс делил на политические и социальные. И если политическая была «благотворной», так как меняла политический порядок и была отражением прогресса и «творческой эволюции», то социальная революция была невозможна в истории, поскольку вела к разрушению, а не созиданию³. Именно поэтому историк не видел перспектив развития нового советского государства, развязавшего классовую вражду и ненависть. Находясь в революционном потоке и предчувствуя очередной разлом, в середине октября 1917 г. И. М. Гревс предостерегал: «Революция — великое бедствие, ее следует страшиться, а потому всеми добрыми силами предупреждать»⁴.

В публицистических текстах, как и в личных, все чаще звучали характеристики «варварство», «святое безумие», «грехопадение», рождался дикий образ «человека-зверя» и др. Коммунизм ученый не принимал, называя его «террористическим», «милитаристским», «преступным», считая его противоречившим сути либеральных ценностей. Но в то же время И. М. Гревс не перекладывал вину за происходящую катастрофу только на большевиков, чувствуя даже за собой долю вины в классическом религиозно-христианском понимании: «Всё теперь валят на большевиков. Это означает просто отказ от ответственности. Большевики только оболочка нашей внутренней природы. Одно гнусное осталось в нас как в целом... Мы не заслуживаем как народ и как государство

¹ Письмо И. М. Гревса Е. Я. Рудинской от 6 авг. 1917 г. // СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 372. Л. 93.

² Гревс Ив. Церковь и интеллигенция // РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 2. Д. 15.

³ Гревс Ив. Культ революции. С. 25.

⁴ Там же. С. 24.

ничего другого, кроме того, как терпеть. Это — оч[ень] легко свалить прежде на царя, теперь на большевиков. <...> Очевидно, исправления возможны только в пламени адских мук предстоящих десятилетий»¹.

И. М. Гревс до конца жизни оставался беспартийным, внутренне не принимая советскую власть и марксизм. Эмиграцию историк не рассматривал в качестве решения проблемы, оценивая ее как предательство идеалов служения родине. Шло время, и постепенно с 1918–1919 гг. происходила и переоценка взаимоотношений историка с советской властью — от отрицания к вынужденному сотрудничеству: «Те, кто сосредоточил свою профессию в деле просвещения и в наши ужасные, многострадальные годы в России, счастливее многих других»². Именно в этом И. М. Гревс видел путь к спасению России и ее культуры как части мировой. В этом выражался его истинный патриотизм в самом широком смысле, а именно, как подчеркивал он сам, приверженность человеческой культуре (*humana civitas*). Чаще всего внутренние переживания переходного периода мы находим у И. М. Гревса уже не в публицистическом, а в эпистолярном и автобиографическом нарративах.

Миссию интеллигенции историк видел в спасении культуры и поддержании научной преемственности (воспитании учеников); это следовало делать через реализацию теории «малых дел», которая в большей степени теперь выражалась не столько в публицистической активности, сколько в чтении публичных лекций, обсуждении реформ системы среднего и высшего образования, участии в мемориальных мероприятиях, различных кружках и обществах, публикации просветительских брошюр, литературной работе (именно с конца 1910-х гг. И. М. Гревс много времени уделял изучению творчества И. С. Тургенева и выпустил несколько работ о нем), написании автобиографических и мемориальных текстов. Это время историк часто называл «великой страдой»: «Пусть русская интеллигенция, прозрев также от своих иллюзий, вынеся на своей совести страшный урок, — возьмет на себя новый крест служения, служения культуре и правде, истинному Богу, а не идолам»³.

В 1918 — начале 1920-х гг. И. М. Гревс продолжал участвовать в дискуссиях о реформировании средней школы, во многом отстаивая свои прежние принципы. Последние две опубликованные статьи, а также подготовленные тезисы докладов — это критика новой советской школы. Ученый был противником создания единой школы, забвения классических отечественных педагогических традиций XIX в. и активного внедрения американского опыта. Поддерживая идею всеобщего начального обучения, он не был сторонником всеобщего

¹ Письмо И. М. Гревса Е. Я. Рудинской от 9 февр. 1918 г. // СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 372. Л. 119.

² Письмо И. М. Гревса Е. Я. Рудинской от 12 окт. 1921 г. // Там же. Л. 147.

³ Гревс Ив. Истребление лучших // Вестник культуры и политики. 1918. № 7. Стб. 12.

среднего образования: «...мы еще не доросли до того, когда эта обязанность будет свободно восприниматься»¹. В 1918 г., не веря в возможность немедленно-го осуществления социалистического строя, он в противовес единой трудовой (политехнической) школе продолжал настаивать на создании «идеалистической свободной школы», которая должна воспитывать гармоничную личность, был сторонником сохранения в школе классического гуманитарного и религиозного образования². В конечном счете такие рассуждения больше способствовали не налаживанию мостов с советской властью, а выстраиванию непреодолимой стены между И. М. Гревсом и государством в новых жизненных реалиях.

Не ставя перед собой задачи подробно останавливаться на содержании гревсовских статей, обратимся к анализу публицистического почерка историка. На наш взгляд, индивидуальность Гревса-публициста проявляется не столько в идеологии (при наличии определенных вариаций, вполне типично-партийной и либеральной), сколько в специфике конструируемого автором дискурсного режима.

Имплицитной идеологической (методологической) основой позиции И. М. Гревса, представленной в публицистике, является характерное для XIX в. либеральное прочтение философии истории Гегеля с ее идеями историчности, универсализма, рационализма, объективизма, активной роли сознания и прогресса как основного закона истории, а также позитивизм и унаследованные научные традиции романтиков. Сутью прогресса в данном случае является поступательное эволюционное движение к свободе, осуществляемое через осознание и объективацию его результатов. Историк анализировал современные ему процессы в образовании, науке, культуре, государственной и партийной жизни через призму гуманизма, исторического идеализма, генетического принципа (особое внимание уделяя причинам и истокам), культурно-исторического прогресса и преемственности, всемирно-исторической точки зрения, психологизации и пр. Оценивая правительственную политику по университетскому вопросу и радуясь небольшим завоеваниям, достигнутым в 1905 г., Гревс рисовал их в эволюционном ключе: «Жизнь движется медленно, приливами и отливами; в поступательном движении происходят остановки, почти никогда не совершается в нем сразу далеких скачков. Надобно только не уставать бороться, шествуя вперед и плотно, дружно отстаивать каждую занятую пядь земли»³. Общечеловеческие культура и ценности, свобода личности, индивидуальность, прогресс, вера в единство и др. — наполняют пространство

¹ Гревс И. М. К вопросу о реформе общеобразовательной школы // СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 293. Л. 4 об.

² Там же. Л. 4 об.

³ Гревс Ив., проф. Временные правила 27 августа об управлении университетами и освобождении науки // Право. 1905. 11 сент. № 36. Стб. 2936.

публицистических текстов не меньше «медиевистских». Историк порой и во все переносил позитивистские принципы в современную жизнь: «Определять влияние „факторов“ на события и явления — вот что значит учиться у науки о прошлом пониманию настоящего. Если таким искусством обладает политик, умеющий улавливать своеобразие единичных социальных комбинаций, среди которых он живет и действует, — то опять история может послужить ему средством для приблизительного прогноза наступающего будущего»¹. Таким образом, практическая функция истории, заданная романтиками, также находила свое отражение в гревсовском нарративе. Как в магистерской диссертации или в курсе лекций по истории средних веков, И. М. Гревс и в публицистике обосновывает необходимость использования всемирно-исторической точки зрения для понимания как прошлого, так и настоящего: «Изучение всемирной истории укрепляет такую веру [в прогресс] величественными данными, которые не могут не быть признаны всеми, если суметь стать на всеобъемлющую точку зрения»². Здесь он также поднимает и вопрос о роли личности, вождя и масс в историческом процессе: «Личность нельзя конструировать из среды: в ней открывается одна из примордиальных сил, создающих среду. Индивидуальные усилия личности и собирательная работа всех умов, коллективирующаяся в гений человечества, вот истинный фактор шествования человечества к совершенствованию»³; или: «Только мирным трудом при содружестве всех личностей и групп, интеллигенции и масс, совершается поступательное шествие истории»⁴.

Из всех публицистических сочинений И. М. Гревса самым концептуальным стала статья «Демократия и наука», написанная летом 1917 г. Через критику революционного пути развития можно проследить цепочку основных концептов: демократия — народ — массы — история — прогресс — рационализм — сознание — культура — наука — просвещение — истина.

И. М. Гревс активно привлекал опыт древней, средневековой и новой истории для проведения исторических параллелей между прошлым и настоящим. Он оговаривал ограниченность их использования, а порой и сам критиковал ученых за некорректность сравнений (например, философа Н. А. Бердяева — за сходство между Французской и Первой русской революциями или за его сравнение конституционалистов-демократов с жирондистами). В публицистическом нарративе историк часто обращался к опыту античных цивилизаций,

¹ Гревс Ив. Идеиная борьба и созидательная работа в революции (к истолкованию души конституционно-демократической партии) // Полярная звезда. 1906. № 11. С. 802.

² Гревс Ив. Демократия и наука // Русская свобода. 1917. № 8 (от 13 июня). С. 16.

³ Гревс Ив. Сергею Николаевичу Трубецкому (памяти погибшего защитника идейности) // Полярная звезда. 1905. № 3. С. 203.

⁴ Гревс Ив. Истребление лучших. Стб. 8.

средневековой истории и культуры, эпохи Возрождения, английской и французской революций, истории России и даже первобытной эпохе. И.М. Гревс не читал общие курсы по древней или новой истории Западной Европы, тем более по истории России. Публицистика помогала историку обращаться к эпохам, где он не являлся узким специалистом, но мог проводить видимые параллели как профессиональный историк: «Вспоминается в истории человечества далекий трагический момент... Рим был варваром сравнительно с сокрушенной им цивилизованной Грецией. <...> греческому гению удалось справиться с римским невежеством... лишь те народы стали героями истории, которые уверовали в божественную природу человеческого духа, в неоценимую стоимость его достижений. Таковыми были культуры Италии, Франции, Англии... Таким явит себя миру и русский народ с той правдою, которую он таит в себе, которая в грядущем раскроется ярким светом»¹. Показательна в этом отношении статья «Истребление лучших». Будто бы предчувствуя приближение «философского парохода», широкими мазками ученый рисовал реализацию в истории системы истребления интеллектуальной элиты — от античной Греции и Рима через Средневековье, новую историю Италии, Франции, Германии к истории России (через эпохи Ивана Грозного, Смуты, Петра Великого и дворцовых переворотов, просвещенного абсолютизма, историю XIX — начала XX вв. к перипетиям революции 1917 г., убийству Шингарева и Кокошкина).

Историк придавал убедительность своей публицистике с помощью активного цитирования произведений выдающихся исторических личностей, писателей, поэтов, ученых. Как правило, это был свой «пантеон классиков» от античных ученых и писателей до современников. С развитием историографической традиции этот пантеон пополнялся новыми именами, редко теряя предшествующие, но традиционно включал в себя Горация, Августина, Данте, Э. Ренана, Н.Д. Фюстель де Куланжа, И.С. Тургенева, Р. Роллана, В.С. Соловьева, М.П. Драгоманова и др.: «Данте громко провозгласил, что разум составляет все преимущество человека и обеспечивает его счастье; но великий поэт-мыслитель прибавляет, что разум может действовать только тогда, когда он свободен, как у гениальных философов древности»². Девиз Ренана: «Наука — первая потребность человека» — И.М. Гревс сделал не только эпиграфом к нескольким опубликованным и неопубликованным работам, но и часто использовал его во многих публицистических и научных текстах. Практически в каждом как раннем, так и позднем конструируемом нарративе он находил место для цитат из «великих», с тем чтобы они становились логическим завершением статьи. Цитирование помогало автору актуализировать проблему,

¹ Гревс Ив. Демократия и наука. С. 18.

² Гревс Ив., проф. Забытая наука и униженное звание (по поводу статьи проф. В.И. Вернадского) // Наши дни. 1904. 28 дек. № 10. С. 3.

служило подтверждением преемственности поставленных им вопросов, выполняя ретроспективную функцию. Цитата могла скрываться за ярким образом или риторической фигурой, тогда историк не указывал ее авторство. Чаще других источников И. М. Гревс опирался на библейские тексты: «„Как хорошо, как радостно, братья, быть вместе!“ — эти слова древнего библейского псалма восторженно повторяет великий Данте, призывая человечество идти к единству через свободу и культуру»¹. Широта кругозора и эрудиции поколения ученых, к которому принадлежал И. М. Гревс, позволяла им цитировать не только исторические труды своих коллег, но также художественную литературу и философские сочинения. Особую любовь историк питал к поэзии (кстати, он и сам увлекался стихотворчеством), поэтому редкая статья обходилась без цитирования стихотворных строк. Часто это были собственные переводы оригинальных текстов. Но ученый не всегда был аккуратен при цитировании, иногда не только перекраивая текст цитаты, но и вмешиваясь в ее содержание.

Научная и административная работа не давала возможности сдержанному И. М. Гревсу проявлять свои эмоции в полной мере. В публицистике он мог позволить себе быть — и был — эмоциональным. Названия многих его статей представляют собой лозунги: «Дружно к урнам!», «Не разрознят они нас и никого не обманут!». Часто и в публицистических текстах он использовал лозунги-призывы: «Правда сокрушит насилие!»; «Шире же дорогу друзьям и труженикам созидательного общественного и культурного дела!»²; «Пусть же в критическую годину истории многострадальной отчизны правда сокрушит насилие! С нами правда! К миру, свету, свободе! Пусть будет жизнь, а не смерть!»³; «Идемте к урнам все вместе дружной толпой, как озаренные единым истинным светом сознательные и убежденные работники — каменщики народного освобождения! В единстве сила!»⁴ и др. Кроме того, в публицистике он использовал собственный опыт, эффект «вживания» и «присутствия». Например, детские воспоминания о добром сожительстве «хохлов» и «кацапов», внутреннее чувство комфорта во время пребывания на Украине, отсутствие у историка «чувства розни» вполне являлись для него доказательством «русскости» украинского народа: «Здесь сильны не столько доводы, сколько общие ощущения души, сращение единиц и групп в сложное личное целое, нераздельное органическое сплетение живых людей в живой народ»⁵.

¹ Гревс Ив. Церковь и интеллигенция. Л. 13.

² Гревс Ив., проф. Возродится ли у нас подорванное научное просвещение? // Право. 1905. 6 марта. № 9. Стб. 643.

³ Гревс Ив. Культ революции. С. 28.

⁴ Гревс Ив. Дружно к урнам! // Речь. 1906. 20 марта. № 26. С. 2.

⁵ Гревс Ив. Русским-украинцам // Русская свобода. 1917. № 20–21 (от 18 сент.). С. 5–6.

Для «Гревса-идеалиста» (именно так он определял свою историческую позицию до конца жизни) был характерен, безусловно, и «идеализм политический»: «Наша гордость и честь — в одном богатстве, в идейной правде, которую мы несем, всегда великой для всего человечества»¹; «Ее (свободу учения и преподавания. — К. Г.) необходимо завоевывать согласным, одушевленным натиском всех, кто любит истину, в ком горит жажда искания смысла жизни, кто понимает, что только идеи ведут человечество к совершенству»². В этой связи вполне приемлемыми для историка были призывы к «партийному единению всех прогрессистов»³, слиянию наций в «единое человечество-братство», «вера в отрезвление революционеров», способность *всех* классов к «единой благой работе», «удушение в себе братоубийственной ненависти и воцарение всеобщего мира на Руси»⁴.

Главным инструментом воздействия на читателя или слушателя выступала человеческая совесть, честность. Именно к ней взывал историк до конца своих дней. Отыскание истины и правды — императив не только публицистического нарратива И. М. Гревса, но и его жизненное кредо еще со студенческой скамьи. Функция истории, заимствованная у романтиков: «История не учит, но историк учит», — органично легла в основу его мировоззрения. В конечном счете, по мнению ученого, истина победит благодаря разносторонней деятельности русской интеллигенции (научной, преподавательской, общественно-политической, публицистической, культурно-просветительской): «Истина восторжествует сама собою, трудом и подвигом...».

Таким образом, обращение историка-медиевиста И. М. Гревса к публицистике было вызвано как общественным, так и личным интересом. С одной стороны, это выражение активной общественной позиции, мнения части корпоративного университетского сообщества (что нашло отражение как в коллективных записках, статьях-откликах на работы коллег в печати, публичных речах, так и в собственном публицистическом нарративе). А с другой — формирование общественного мнения, практическая деятельность: участие в политической партии, различных профессиональных и общественных объединениях, обсуждение злободневных вопросов в печати и кулуарах, выработка программы действий, что понималось как гражданский долг и культурное призвание. Профессор в стенах университета — не агитатор, не член политической партии, он не может обсуждать текущие политические вопросы в студенческой аудитории (поэтому их обсуждение происходило в печати).

¹ Гревс Ив. После побед // Речь. 1906. 8 апр. № 42. С. 3.

² Гревс Ив., проф. Временные правила 27 августа об управлении университетами и освобождении науки. Стб. 2937.

³ Гревс Ив. Идеинная борьба и созидательная работа в революции (к истолкованию души конституционно-демократической партии) // Полярная звезда. 1906. № 12. С. 56.

⁴ Гревс Ив. Культ революции. С. 28; Он же. Истребление лучших. Стб. 12.

Личный интерес И.М. Гревса к публицистике был своеобразным способом обоснования общественной легитимности исторической науки, а также решения проблемы самоидентификации — поиск ответа на вопросы «Кто я? И зачем я?». В публицистическом нарративе И.М. Гревс выступал в роли профессионального историка, «борца за науку», «труженика просвещения», считая себя частью корпорации «прогрессивной профессуры», «ученой братии»: «Я не вождь и не политический лидер, а скромный научный работник; но я в мере сил моих, по голосу сознания и велению совести исполняю свой гражданский долг»¹. В этом смысле и воспитательная функция истории также реализуется через публицистический нарратив: «...как историк не могу закрыть глаза на прошлое, не видеть, сколько раз подвергались крушению попытки водворить демократические начала. Хотелось бы заранее видеть грядущие и нам опасности»². Читатель «должен поверить» автору в том числе и потому, что автор — «профессор»: «Пишущий эти строки не может и не хочет считать себя политиком по призванию или по профессии; но он всю жизнь работает над наукой, близкой к вопросам о государстве и обществе; он долго преподает ее молодежи обоего пола и разного возраста и думает, что теоретический опыт размышления над историей, а также опыт практический ее изложения и наблюдения над тем, как она понимается и как действует на человеческую душу, дает ему право сказать свое слово по вопросу о партийной психологии и о политической потребности настоящего дня»³. Если же этого окажется недостаточно, читатель может обратиться к научным работам автора и найти в них развернутое обоснование намеченной в публицистических статьях позиции.

Ксения Герш

¹ Гревс Ив. Не разрознят они нас и никого не обманут! С. 2.

² Гревс Ив. Демократия и наука. С. 15.

³ Гревс Ив. Идеиная борьба и созидательная работа в революции (к истолкованию души конституционно-демократической партии) // Полярная звезда. 1906. № 11. С. 796.

Структура издания. Принципы публикации. Благодарности

Эта книга состоит из двух частей. В первую часть включены статьи и речи, опубликованные И. М. Гревсом в различных периодических изданиях и обнаруженные нами в ходе поисковых работ. Мы допускаем, что существуют еще опубликованные тексты, которые нам не удалось найти, хотя бы потому, что И. М. Гревс обещал сотрудничество многим изданиям Российской империи¹. Тексты в книге расположены по хронологии, в порядке их выхода из печати.

Вторая часть книги представлена архивными материалами, обнаруженными нами в хранилищах Санкт-Петербурга и Москвы (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив литературы и искусства). По разным причинам они не были опубликованы автором, но представляют известный интерес и дополняют портрет И. М. Гревса — публициста, профессора, педагога и социокультурного мыслителя. Тексты расположены в хронологическом порядке, имеют разную стадию готовности.

Наше вмешательство как в печатные, так и в рукописные тексты И. М. Гревса ограничивается лишь исправлением очевидных опечаток и раскрытием авторских сокращений в квадратных скобках. При этом мы стремились максимально сохранить особенности авторского стиля и письма, несмотря на следование современной орфографии и пунктуации. Авторские вставки, дополнения и исправления в рукописях вносятся в текст без комментариев и не оговариваются, если не носят принципиального характера. Все исправления И. М. Гревса, кроме тех, которые не поддаются прочтению, поясняются

¹ Помимо вышеуказанных газет и еженедельных журналов, поиск не привел к обнаружению статей И. М. Гревса в таких изданиях, как «Сын Отечества», «Новое время», «Народная свобода», «Наша жизнь», «Новая жизнь», «Свободный народ», «Товарищ», «Биржевые ведомости», «Русская школа», «Педагогический листок».

в сносках. Все подчеркивания и курсив принадлежат автору; в статьях сохранен и формальный курсив — выделенные так имена упоминаемых авторов и названия различных изданий. В печатных текстах для привлечения внимания читателя чаще всего использовалась разрядка текста (в нашем сборнике заменена на курсив), а в рукописных текстах — подчеркивание. Примечания, принадлежащие автору, мы также сохранили, они отмечены символом *; сноски, которые не имеют этого знака, принадлежат составителям. В случае необходимости примечания И. М. Гревса откомментированы в квадратных скобках, с соответствующим указанием на авторство комментария. Все даты по 31 января 1918 г. включительно даются, как правило, по старому стилю, с 14 февраля 1918 г. — по новому.

* * *

Нам осталась самая приятная часть введения: благодарности всем, кто принимал участие в создании этой книги. По мере работы над ней количество коллег и просто сочувствующих кратно увеличивалось, и, вероятно, мы рискуем кого-нибудь забыть. Мы хотели бы, тем не менее, высказать слова признательности всем.

Вместе с тем эта книга не получилась бы без участия, помощи и поддержки Александра Антощенко (Петрозаводск), Вероники Беляевой (Москва), Оксаны Вахромеевой (Санкт-Петербург), Алексея Вострикова (Санкт-Петербург), Елены Груздевой (Санкт-Петербург), Марии Мандрик (Санкт-Петербург), Евгения Ростовцева (Санкт-Петербург), Марины Тарарушиной (Москва), Антонины Шаровой (Москва). Отдельно хотелось бы отметить сотрудников библиотек Москвы и Санкт-Петербурга, а также архивов этих городов, которые оказывали всяческую поддержку в наших поисках.

Эта книга не получилась бы без помощи и терпения наших семей. Ольга Метель, Марк Ключев, Ян Герш, София Герш и Мария Герш — без вашей поддержки эта книга никогда не увидела бы свет.

Мы хотели бы поблагодарить нашего научного редактора Александра Генриховича Тимофеева за терпение, высокий профессионализм, максимальную вовлеченность в процесс подготовки текстов к публикации и многочисленные ценные предложения, сделанные в ходе этой работы.

В заключение хотелось бы вспомнить нашего доброго Учителя и Друга Антона Вадимовича Свешникова, по инициативе которого этот проект и стартовал в 2018 г. Светлой памяти Антона Вадимовича мы посвящаем эту книгу.

Ксения Герш, Артем Ключев

I. СТАТЬИ ИЗ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ И СБОРНИКОВ

Петербургский банкет^{1*}

20-го ноября в зале Павловой² на Троицкой улице состоялся банкет литераторов, адвокатов, педагогов и вообще лиц свободных профессий. Этот банкет был первым открытым политическим собранием, где откровенно говорились политические речи.

Председательствовал *В. Г. Короленко*³. Первым говорил *И. В. Гессен*⁴. Речь его о судебной реформе была кратким резюме статьи, появившейся на следующий день в газете «Право»⁵. Вторым говорил *В. И. Семевский*⁶. Затем говорил

¹ * Протокол этого банкета с подписями всех участников будет издан редакцией «Освобождения» особым листком. *Ред[акция]*.

Банкет в субботу 20 нояб. 1904 г. был инициирован Союзом освобождения и широко освещался в печати. О банкете писали в газетах «Наша жизнь» (1904. № 17, 22), «Сын Отечества» (1904. № 4, 7), «Право» (1904. № 47), а также в самом «Освобождении» (1904. № 61) и его приложении «Листок „Освобождения“» (1904. № 19, 21). Текст резолюции приводится по последнему изданию: Петербургский банкет // Листок «Освобождения». 1904. № 19. С. 4. Подробнее о банкетной кампании 20 нояб. 1904 г. в печати см.: *Крылова Е. Н.* Банкетная кампания на страницах либеральной печати в 1904 г. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 7. С. 40–42.

² Зал А. И. Павловой находился в доме № 13 по Троицкой улице (ныне — ул. Рубинштейна) в Санкт-Петербурге. Это было театральное помещение на 500 мест, одно из наиболее крупных и заметных среди увеселительных заведений столицы.

³ Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) — русский писатель, журналист, прозаик и редактор, общественный деятель. В 1904–1918 гг. редактировал журнал «Русское богатство».

⁴ Гессен Иосиф Владимирович (1865–1943) — русский государственный и политический деятель, юрист и публицист; член ЦК Конституционно-демократической партии, один из редакторов газеты «Право», соредактор (совместно с П. Н. Милюковым) газеты «Речь» (1906–1917).

⁵ См.: *Гессен И. В.* К сорокалетию судебной реформы // Право. 1904. 21 нояб. № 47. Стб. 3227–3236.

⁶ Семевский Василий Иванович (1848/1849–1916) — русский историк, общественный и политический деятель, автор работ по истории крестьянства в России. Был членом Союза освобождения, а с 1906 г. одним из создателей народно-социалистической (трудовой) партии, членом ее ЦК. В. И. Семевский печатался в либерально-народническом журнале «Русское богатство», а также в «Былом» и «Минувших годах» В. Я. Богучарского и П. Е. Щеголева — журналах, которые специализировались на истории освободительного движения.

Н. Ф. Анненский¹. А. В. Пешехоновым² была прочитана резолюция³, которую было предложено подписать (текст резолюции см[отрите] ниже). После этого говорило еще несколько ораторов, между которыми значительное внимание привлекла г[оспо]жа Зиновьева⁴, говорившая за права женщин и указывавшая на то, что политические деятели забывают о них. Один из ораторов⁵ сочувственно вспомнил о виновнике убийства Плеве⁶ — Сазонове⁷.

Собрание окончилось около трех часов ночи.

Резолюция,

принятая на банкете представителей интеллигентских профессий г[орода] С[анкт]-Петербурга, состоявшемся 20 ноября, и подписанная 676 его участниками⁸:

Осуществленная 40 лет назад и встреченная общим народным сочувствием судебная реформа, имевшая целью утвердить право и законность в России, не дала ожидавшихся от нее результатов, так как целым рядом дальнейших законодательных актов и произвольных административных распоряжений самые основания реформы были совершенно искажены. История судебных уставов с особенной наглядностью свидетельствует, что при самодержавно-бюрократическом режиме, который господствует в стране, самые элементарные условия

¹ Анненский Николай Федорович (1843–1912) — экономист, статистик, публицист-народник, журналист, переводчик и общественный деятель; брат поэта Иннокентия Анненского.

² Пешехонов Алексей Васильевич (псевд. Турский; 1867–1933) — общественный и политический деятель, социалист-народник, публицист.

³ Резолюцию, которая была принята единогласно, на собрании зачитал А. В. Пешехонов.

⁴ В протоколах, опубликованных в газетах «Наша жизнь» и «Сын Отечества», среди подписавших резолюцию фигурирует писательница Э. М. Зиновьева. Вероятно, речь идет об Эсфири Марковне Зиновьевой-Дейч (1861–1946).

⁵ В речах выступавших, помещенных в протоколе собрания, нет прямого упоминания об убийце В. К. Плеве Е. С. Сазонове. Возможно, имеется в виду С. Г. Сватиков, который единственный на собрании говорил о революционной молодежи и призывал присоединиться к их активной борьбе. См.: Листок «Освобождения». 1904. № 21. С. 4.

⁶ Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904) — государственный деятель, сенатор, министр внутренних дел Российской империи (1902–1904), проводивший консервативный курс, направленный на укрепление самодержавия и подавление революционного движения.

⁷ Сазонов Егор Сергеевич (1879–1910) — русский революционер, участник Боевой организации партии эсеров. 15 июля 1904 г. вместе с товарищами по Боевой организации в Санкт-Петербурге совершил убийство министра внутренних дел В. К. Плеве.

⁸ Информация в либеральной печати о количестве присутствовавших на банкете и подписавших резолюцию разнится. Например, в газете «Наша жизнь» сообщается о 676 подписантах резолюции, но в опубликованном списке представлены только 593 человека, а в газете «Сын Отечества» указано, что резолюцию подписали 650 человек, но в списке только 592 фамилии. Правда, в последующих номерах этого издания стали появляться письма с просьбами включить их авторов в список подписавших резолюцию.

правильного гражданского общежития не могут быть осуществлены и всякие частичные поправки в нынешнем строе государственных учреждений не достигают цели. Исходя из этих соображений, мы, представители интеллигентных профессий гор[ода] С[анкт]-Петербурга, собравшись в день 40-летия судебных уставов в числе 676 человек и приветствуя резолюцию съезда земских деятелей, с своей стороны заявляем, что для нормального развития народной жизни, по нашему глубокому убеждению, безусловно необходимо: 1. чтобы всем гражданам государства были обеспечены в качестве неотъемлемых прав: личная неприкосновенность, свобода совести, слова, печати, собраний и союзов, 2. чтобы были отменены все сословные, национальные и вероисповедные ограничения и чтобы было установлено действительно и равенство всех перед законом, 3. чтобы все законы издавались и налоги устанавливались не иначе, как при участии и с согласия свободно выбранных от всего народа представителей и 4. чтобы надлежащей организацией ответственности министров перед собранием народных представителей была гарантирована подзаконность всех действий и распоряжений административной власти. Таким образом, мы считаем безусловно необходимым, чтобы весь государственный строй России был реорганизован на конституционных началах. Исходя из этого непоколебимого нашего убеждения и принимая во внимание в высшей степени трудные обстоятельства, в каких находится сейчас страна, мы считаем необходимым, чтобы для осуществления указанного коренного и неотложного преобразования было немедленно созвано учредительное собрание из свободно выбранных представителей от всего населения Российского Государства и чтобы немедленно же, до начала избирательного периода, была объявлена полная и безусловная амнистия по всем политическим и религиозным преступлениям, а также надлежащими распоряжениями были обеспечены необходимые правовые условия для сознательного и свободного отношения населения к выборам и для неприкосновенности избранных им представителей.

Фамилии подписавших резолюцию в «Листке „Освобождения“» не указаны, так как они были напечатаны в газетах «Наша жизнь» и «Сын Отечества». Здесь приводится наиболее полный список из первого издания: «В дополнение к сообщению (см. № 17 „Нашей жизни“) о банкете по поводу сорокалетия судебной реформы, приводим полный список лиц, подписавшихся под резолюцией, принятой на банкете. **Литераторы:** Айзман Д., Анненкова-Бернар Н. Н., Анненский Н. Ф., Анненская А. Н., Арцыбашев М., Анучин В. И., Антонович М. А., Арабажин К. И., Башкин В., Бужанский О. Е., Бартенева Е. Г., Богданова-Русова О. П., Безродная Ю., Богданович А. И., Богораз В. Г. (Тан), Батюшков Ф. Д., Брусянин В. В., Бердяев Н. А., Белопольская, Волпянская З. А., Водовозова-Семевская Е. Н., Венгеров С. А., Ватсон М. В., Василевский Л. М., Витмер Б. А., Вренцов В. П., Горький Максим, Гренхаген К. Б., Гусев-Оренбургский С. И., Глинка А. С. (Волжский), Горнфельд А. Г., Горбунов К. А.,

Голубев П. А., Гуревич Л. Я., Гуревич Я. Я., Дмитриева Е. М., Даманская-Димант А. Ф., Дубровская Б. Н., Жилкин И. В., Журавская З. Н., Засодимский П. В., Зиновьева Э. М., Залшупин, Игнатъев Е. И., Короленко В. Г., Кулябко-Корецкий Н. Г., Клейнборт Л., Кауфман А. А., Косецкий Иосиф, Князьков С. А., Крандиевская А. Р., Кац А., Коллантай А. М., Кранихфельд В. П., Каррик В. В., Куприянова Л. П., Кускова Е. Д., Лесгафт П. Ф., Лучинская А. В., Любарский И. Э., Левин Д. А., Лаврова-Попова Е. В., Лавринович Ю. И., Ландау Г. А., Линев Д. А. (Далин), Лукьянов А. А., Мережковский Д. С., Мережковская З. Н., Миклашевский М. П. (Неведомский), Минский Н. М., Матюшенский А. И., Мезьер А. В., Михеев В., Мертвого А. П., Николаев В., Новиков А. И., Неманов Л. М., Острогорский М. Я., Острогорский А. Я., Острогорская-Малкина А. Я., Прокопович С. Н., Пругавин А. С., Пешехонов А. В., Писарев А. И., Полынова Т. Л. (Щепкина-Куперник), Порошин И. А., Пятницкий К. П., Руленков А. В., Ржевский В. А., Рыкачев А. М., Русова С. Ф., Редько А. М., Семенов Д. Д., Слепцов А. А., Соколова М., Соколов И. С., Сигов Ив. С., Сабина М. В., Торгашев Г., Тотомианц В. Ф., Толиверова А. И., Фарафонтова Т., Философов Д. В., Фальковский О., Фальборг Г. А., Фивин А. Ю., Хижняков В. В., Чарнолуский В. И., Чулков Г. И., Штейнберг Лев, Шапир О. И., Шрейдер Г. И., Шадурская З. Л., Щеголев П. Е., Щепотьев С. А., Энгельгардт М. А., Эйнерлинг Г. А., Южаков С. Н., Яблоновский А. А., Якубович П. Ф., Яковлев В. Я. (Богучарский). **Адвокаты:** Алафузов А. И., Абрамов П., Андронников Л. Н., Алексеевский И. И., Алапин Я. Я., Беляев Д. П., Базунов Л., Беренштам В., Беренштам М., Блок А. Ю., Берцынский, Барсов В. М., Бакушев Н. С., Брамсон Л., Быховский В. В., Барт Б. Г., Варзар В. В., Воронин В. Г., Вольман, Волькенштейн Ф. А., Гинсбург Э. Г., Гантовер Л., Грузенберг О., Гальперин, Гельдзак В. А., Гессен И. В., Гордберг Г., Гессен Я. М., Голевинский А. М., Гольдштейн М., Добровольский В. И., Данчич И. М., Демьянов А. А., Дьяконов В. А., Долгов А. В., Елпатьевский В., Ермин А. М., Заремба С. В., Зальберг М., Исаев А. А., Исаев М. Т., Иванов А. И., Иванов С. П., Кюри А. П., Каплан М., Кнац Б. Г., Квашнин-Самарин А. П., Карницкий К., Канторович Я., Кабачков И. М., Кричевский А. Ф., Кауфман Б. Д., Кедрин Е. Н. (гласный думы), Квещинский П. М., Кроль М. З., Ландсберг В. Е., Ляховецкий А., Могилянский П. М., Мошлевский М. И., Маргулиес М. С., Нестор А. П., Новиков В. Н., Ольсинский М., Попов Л. Г., Де Плансон В., Полынов Н. Б., Павлов-Сильванский Н. Н., Попов И., Пронин В., Платонов А., Рабинович И. М., Равевский Н. Н., Романько-Романовский С. Д., Русаков Ф. А., Соколов М. П., Сидамонов-Эристов Г. Д., Селюк Я. Я., Сокольский Н. М., Сигаль О. М., Свешников М. И., Стасов Д. В., Турчанинов А. Н., Топоров Н. А., Терпугов И. В., Тирон Д. К., Файншмит И., Филиман Я. И., Фирсов А. И., Финкель И. М., Червонецкий, Черевинский, Чекеруль-Куш Н., Чекеруль-Куш В., Чиабров Д. З., Шнитников Н. Н., Шмаков Л. М., Шарый Лев, Шапимин М., Энден Д. А., Якимов Вл., Феодосьев М. Е. **Ученые, профессора и педагоги:** Абрамов, Агафонов В., Аккерман, Блюменфельд М., Белелюбский Н. А., Байков А., Бернацкий М. В., Баумгард К., Букштейн-Кипман, Брант А. А., Бунаков А., Белянкин Д., Белошицкая О., Винавер Р. Р. [?] (докт[ор] фил[ологии?]),

Вебер, Витмер О., Герд В., Гиппиус В., Гвоздев, Гессен В.М., Герд Ю., Гусаков А., Гревс И., Добиаш О., Денисов, Доббинг А., Долбня И.П., Добровольский В.И., Душечкин Я., Ден Вл., Ельяшевич В.И., Знаменский П., Закс А., Краскова, Кроксен В., Котляревская З.Н., Кушвинская, Комаров В.А., Кремлева, Кульман, Коробка Н., Канделаки В., Каминка А.И., Калина Ев., Кистяковский, Лесгафт П.Ф., Львова К., Лесгафт Э.Ф., Липовский А., Лучинский, Лебедева, Менжинская, Лапшин И., Лихарева, Левитина, Левинсон-Лессинг Ф.Ю., Лосский Н.О., Лосская Л.В., Людович М., Ломшаков А., Менжинская В.Р., Маштаков П.Л., Могилянская, Могилянский Н.М., Максимова А., Мякотин, Мякотина, Монастырский Д., Макаренко, Метальников С., Николаев Л., Острогорская, Отоцкий П.В., Очаговский, Овсянников Л., Одрекнов В., Петрункевич В.И., Полнер С., Педенко Д.К., Погребов Н., Познер С.М., Пискунов Вяч., Паутов Н., Пандер Ю., Постников А., Павлов М., Рихтер А.А., Репьева Е.И., Рождественский, Румянцева, Рубакина Н.И., Ростовцев М.И., Ройтман Д., Соколовская Е., Скобельцин В., Соколов М.Н., Сидоренко В., Соломин Е., Соколова М., Сватиков С.Г., Тарле Е.В., Томилин И., Фридман М.И., Фритшнейда Т.С., Холодковский Е., Чупров А., Чентукова, Шевелева Н., Шолков П.И., Шателен М., Щеголева М.И., Эвальд Ф., Яковлев Е. **Врачи:** Айзман Р., Брагинская Р.А., Вагинеич Е., Винавер А.М., Вольтке С.С., Дебеле Ф.Г., Знаменская-Прокофьева А., Иванова Л.А., Иванова В., Кожевникова В.Ф., Красусская А.А., Какушкин Н.М., Конева Е.О., Львович А.А., Лаврентьева Ю.И., Маркевич-Венцковская М.М., Марков А.Н., Мокиевский П.В. (литер[атор]), Никольская, Омельченко А.П., Пименова Э.К. (литер[атор]), Петрова М.К., Петров Н.Я., Педенко А., Румянцева Ю.П., Рубель А.Н., Рубель Н.Н., Смирнова Н.Я., Семевский Вас. Ив., Сандберг-Дебеле Д.Д., Святловский Е.В., Спиро Ю.М., Слоним М.И., Фрейберг В.В., Черевкова А. (литер[атор]), Черевков В., Четверикова Л.Н., Штанге А., Шарый В.И. **Издатели:** Водовозова М.И., Глаголев Н.М., Орехов М.Д., Попова О.Н., Рутенберг О.Н., Сыркин М. **Земские деятели:** Воробьев И., Дианина Н., фон-Дервиз, Лившиц Я., Неволин П.И., Жуковский Д.Е., Пашковский Евг., Русов А., Цюрупа А.Д., Метальников Н.И., Метальников И. **Артисты:** Андреева М.Ф., Ваккер О.И., Жуковская В.Д., Неелова Н.М., Самойлов П.В. **Художники:** Гинцбург И., Ландау Ю., Педашенко-Третьякова М., Цензов Д. **Инженеры:** Аршаулов В., Бруснев М., Бауман В.И., Вебер, Венцковский А., Гомрош Гр., Герасимов А., Гиршсон Г., Гаккель Я., Горенберг, Кипман М., Калицкий К., Колпинский А., Ломакин, Малкин Р.С., Малявкин С., Макарьев, Никитин В., Платонов Н., Преображенский П., Рутенберг Н., Родыгин Н., Редько Н., Родионов, Рябинин Ан., Торубаев М., Тимашенко С.П., Успенский А., Усатый, Шуппе А.Ф., Шевелев Н.А. **Лица, не обозначившие своей профессии:** З.Д. Авалов, Андриевская, Андреева А., Андриевский А., Бунакова Л.В., Брауде Л.Н., Бабунова Е.О., Блюменфельд Ю.В., Бужанская Е., Белозеров А.А., Бернацкая О.У., Бенуа Е.И., Брамсон В.В., Бородин Н., Богданов П.М., Богданова М.Г., Бильский К., Бибергаль А., Варвер С., Сольф М., Винавер Г.Г., Вейнштейн Г.С., Вильсон К., Волькенштейн О.А., Грузенберг Р.Г., бар[онесс]са Гинцбург,

барон Гинцбург Д., Гронсен Ю. А., Грюнберг Э., Горловский Н., Гуревич В. Я., Гессен Е. Н., Гиндус А. Г., Горнберг Е., Гессен А. И., Глинка О. Ф., Дмитриев Н. Ф., Денисевич И. Н., Добровольская С. К., Денисович В., Дрягин Н., Дегтярева С., Ден Н., Дружинина М., Дубяго Е., До Л. Н., Елачич А. Ф., Журавская В. Э., Зейлигер Т. О., Загорский В., Зверев В. Н., Зауер А. К., Замысловская Е. К., Короленко Е. С., Канторович Б. А., Клячко А. И., Краснуха Э., Кулакова, Кулаков П., Коропачинская Е. А., Каценельсон Г. И., кн[язь] Крапоткин Н. А., Костырева Н. М., Каменский Анд., Клас-сен В., Кроль Р. И., Каррик О., Крапоткин В. С., Зунделевич И. И., Ляховецкая М. А., Лапина Ф. Е., Ловинский К., Ломшакова Л., Маркович, Милюкова А. С., Миклашев-ская В. А., Митрофанов В., Модель, Маргулиес М. Н., Маскос М., Мушкетова Е. П., Милюкова А. В., Невзоров П. П., Неманова А. Ф., Никонова Е., Никольская О. Я., Никонова В., Непекина Е., Острогорская А. К., Полубояринова М. А., Полянский А., Проскурякова Е., Павлов Ф., Пешехонова А. Ф., Пилуховская М. П., Пантелеева С., Преображенская М., Пименова В. И., Рабинович З. М., Рындзюнский Л. В., Раппопорт О. С., Рубинстов Ю. И., Рубель В. Я., Роде М. П., Роде А. А., Расковшенко Д., Ростовцева С. М., Салтыков С. Н., Смирнова М., Скобельцина Ю., Сев Л., Скирмунт С., Соколов И. Н., Соловьев А. К., Степанова Н. Г., Стахович Л. Н., Соболева М. И., Со-ломина-Кронер М. Г., Соловьева В. С., Саввина Е., Сальникова С. Н., Толстой граф П. М., Терпугов Е. Т., Тирон Е. Н., Топильский А. А., Тюменцева Н., Торгашева Н., Успенская М. Е., Унковская З., Федоров Н., Федоров В. Л., Хосецкий К., Харито-нов В. Г., Чернявский В. В., Чернявский А. А., Шапир Л., Шапир Н., Шнитнико-ва М., Шнитников И., Шевченко-Красногорский И., Широкий Е. И., Шилле Адела-ида, Шапошников, Шателен М. А., Шнизберг С., Щегляева Серафима, Щегляев И., Эberman Л. О., Янчевская М. М., Яковлева Э. В., Феодосьева С. К. Не бывший на банкете присоединился литератор К. И. Диксон» (К банкету 20-го ноября // Наша жизнь. 1904. 27 нояб. № 22. С. 3).

Источник: Листок «Освобождения». 1904. 27 нояб. / 10 [9] дек. № 19. С. 4.

Забытая наука и униженное звание

(по поводу статьи проф[ессора] В. И. Вернадского)

Профессор В. И. Вернадский¹ ясно выдвинул на страницах «Наших дней»² одну из самых коренных проблем духовного благоденствия нашей родины — достижение свободы научного исследования и обеспечения достоинства научного преподавания. Редакция при этом справедливо отметила, что в ряду указанных задач реформы, признанных назревшими, высочайший указ 12-го декабря³ даже не упоминает о необходимости серьезной реорганизации действующей системы образования. Между тем было бы печальною ошибкою думать,

¹ Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) — российский и советский ученый-естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель. В. И. Вернадский и И. М. Гревс сблизились, будучи еще студентами, занимаясь в миллеровском литературном кружке, а позже — через совместную деятельность в «Приютинском братстве». В. И. Вернадский и И. М. Гревс активно участвовали в общественно-политической жизни. Владимир Иванович, например, внес весомый вклад в создание журнала «Освобождение» политического общества «Союз освобождения», будущей конституционно-демократической партии, войдя в состав ее ЦК, а также был одним из инициаторов создания Академического союза. Ученый неоднократно выступал в печати по университетскому вопросу. Еще в 1901 г. он опубликовал брошюру о действующем уставе и собственный проект реформирования университетов, в котором подверг резкой критике действующий Устав 1884 г., прежде всего за ограничение университетской автономии. См.: *Вернадский В. Об основаниях университетской реформы*. М.: Тип. Ун-та, 1901.

² * См. № 3 от 20-го декабря — статья «О профессорском съезде». Ср. еще раньше напечатанную статью проф[ессора] [К. А.] *Тимирязева* «Академическая свобода» («Русские Ведомости», № 330, 27-го ноября 1904 г.).

[Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920) — естествоиспытатель, один из основателей русской школы физиологии растений, член-корреспондент Петербургской академии наук (1890). К. А. Тимирязев и В. И. Вернадский одними из первых на страницах «Наших дней» призвали созвать съезд профессоров, не дожидаясь разрешения сверху, для рассмотрения университетского вопроса. — *Примеч. сост.*]

³ Имеется в виду именной высочайший указ Правительствующему сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 дек. 1904 г., провозгласивший проведение умеренных реформ. В нем декларировалась программа преобразований, направленных на расширение свободы печати, совести, защиту прав подданных империи. См.: Законодательные акты переходного времени. С. 3–6.

что у нас все обстоит благополучно в сфере просвещения. Наоборот, именно здесь, особенно с 80-х годов прошлого века, глубоко потрясено начало, которое должно руководить просвещением, т[о] е[сть] наука, и опасно расстроено учреждение, которое ближайшим образом призвано ее насаждать, т[о] е[сть] высшая школа и всего больше университет.

Если нетрудно доказать, что и до этой эпохи тяжело жилось в России науке и университетам, то упадок их, начиная с водворения устава 1884-го года¹, является фактом несомненным и без доказательств для всякого, кому истинно близко настоящее и дорого будущее духовного роста нашего отечества. Наука, профессора и студенты — три элемента, из которых слагается организм высшей школы, — совершенно подавлены утвердившимися в университетах порядками. Естественное удовлетворение их насущных потребностей разбивается нынешним строем. Всякая попытка учащихся или учащихся изменить к лучшему положение вещей, создать возможность для исполнения в стенах высшей школы их дела — свободно учить и спокойно учиться — квалифицируется как акт неблагонадежности или беспорядок и немедленно погашается силою. Так последовательно вносится новый разлад, вызывается дальнейшее разложение, и все повышаются внутри того, что носит официальное название «учебного ведомства», несогласия и раздражение между администрацией, научными деятелями и учащимся юношеством (так в источнике. — К. Г., А. К.). Такие особенности вряд ли могут кем-нибудь считаться благоприятною почвою для развития одной из важнейших сторон в жизни цивилизованного государства.

Наша современность даст богатый материал для защиты мрачного тезиса о крушении русской школы сверху донизу. Разработка просветительной реформы представляет великий очередной национальный долг, исполнение которого заслуживает самой ревностной поддержки со стороны истинно патриотического правительства. Подготовка сложного дела требует широкой инициативы и полной свободы устного и печатного слова, как при построении планов преобразований, так и при критике господствующей системы или обличении практикующегося зла. Перед нами открывается здесь большой, запутанный вопрос, о котором я сейчас только заявляю, с намерением приложить в дальнейшем к разъяснению некоторых его пунктов, по мере сил, те идеи и знания, какие удалось выработать на собственном долгом педагогическом опыте. Настоящая же заметка вызвана лишь настойчивым желанием по твердому убеждению, за много лет продуманному, присоединиться публично к положениям

¹ Университетский устав, принятый 15 августа 1884 г., резко ограничивал автономию университетов, усиливая власть над ними попечителей учебных округов и Министерства народного просвещения. Должности ректора, декана, профессоров замещались по назначению министра. См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 9: Царствование императора Александра III, 1884 год. СПб.: Тип. высочайше утвержд. Т-ва «Обществ. польза», 1893. Стб. 980–1047.

и выводам профессора Вернадского, которого я горячо приветствую с открытым выступлением в печати по великому для судеб страны, а для нас, посвятивших свои силы научному преподаванию, трижды дорогому делу. В виде мотивировки такой солидарности считаю себя обязанным высказать ряд и своих соображений по затронутому уважаемым автором университетскому вопросу.

Если верить в прогресс и искать главного объективного условия, при котором он будет осуществляться, то нельзя не провозгласить первым орудием его сознательную мысль, развивающиеся «светочи знания» (*les lumières*). Путь прогресса может символизироваться единственно лишь как постепенное превращение в исторической эволюции народов инстинктивной работы слепых масс в целесообразную деятельность просветленных разумом личностей, планомерно объединяющихся в стройно организованные группы и ставящих творчеству человечества определенные идеалы. Самым могучим двигателем подобной трансформации служит наука. Ренан¹ прекрасно и проникновенно сказал: «Наука — первая потребность человечества, знание — первый член символа естественной веры»². Когда тот же великий историк говорит, что «только наука может улучшить бедственное положение людей на Земле», он не хочет утверждать, что научным знанием исчерпываются все нужды и разрешаются все вопросы человеческого существования; но им превосходно выделено значение «научного духа» для «прогресса жизни».

У нас наука никогда не пользовалась должным доверием и уважением ни правительства, ни общества в широких кругах. Но при полицейском анархизме последних лет положение ее может быть названо прямо отчаянным. России

¹ Ренан Жозеф Эрнест (1823–1892) — французский философ, писатель, историк религии. Для И. М. Гревса Э. Ренан — гений, один из любимых европейских ученых, к работам которого он часто обращался. Многие идеи Ренана нашли отражение не только в университетских курсах и студенческой аудитории, но и в научных исследованиях самого российского историка. Особенно Гревсу были близки идеи французского ученого о роли религии и науки в обществе, генетический метод построения истории, научный метод в изучении христианства и пр. Главным сочинением французского коллеги российский ученый считал «Историю происхождения христианства» и «Жизнь Иисуса». В университетском курсе истории Средних веков Гревс оставил обстоятельный некрологический очерк «Памяти Ренана» (1892), где подробно остановился на роли ученого в становлении исторической науки и научного метода, анализе его основных трудов и идей. См.: Гревс И. М. История средних веков: лекции, чит. на С. П. Б. высш. жен. курсах в 1892–93 гг. / Сост. слушательницами III-го курса. [Ч. 1]. СПб.: Литогр. Руднева, 1892. С. 246–285.

² Как правило, И. М. Гревс цитировал Э. Ренана по оригинальным текстам и не всегда был точен. Приведем несколько близких по смыслу переводных цитат из его сочинения «Будущее науки» (1890), которые перекликаются со вторым предложением закавыченного текста: «Лишь наука даст человечеству то, без чего оно не может жить: символ веры и закон»; «Итак, наука представляет из себя религию. В будущем лишь наука будет давать символы веры и она одна сможет дать человеку разрешение вечных проблем, которого так настоятельно добивается человеческая природа»; «Конт думает так же, как и мы, что когда-нибудь наука даст человечеству символ веры...» (Ренан Э. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1: Будущее науки. [Ч. 1] / Пер. с фр. под ред. В. Н. Михайлова. Киев: Изд. Б. К. Фукса, 1902. С. 34, 76, 101). Первая же часть является точной цитатой; см.: *Renan E. L'avenir de la science: pensées de 1848*. Paris: Calmann Lévy, [1900]. P. 17, 2-ème pag. Подробнее см.: Наст. изд. С. 270, примеч. 5.

грозит кризис глубокого надрыва просветительной традиции. Несмотря на это, именно обновление просвещения как бы совершенно забыто в приглашении к реформам.

Вследствие узости умственного развития нашего общества у нас, можно сказать, почти не существует ученой профессии как самостоятельного призвания. Человек, предающийся науке, как делу, захватывающему всю его жизнь, свободный чистый ученый — фигура, почти чуждая нашему образованному классу, во всяком случае исключительная. Огромное большинство научных исследователей, двигателей науки являются вместе с тем и преподавателями ее в высших учебных заведениях. Академии и ученые общества рекрутируются и поддерживаются также чаще всего профессорами. На эту категорию граждан русской земли ложится, стало быть, очень значительная доля великого труда в просвещении родины — работа по созданию и развитию русской науки и дело приобщения к свету научного знания молодых поколений. Казалось бы, несение такой функции должно обеспечить за профессорами высокий почет и широкую независимость. Однако наше государство действительно ставит профессора в такое положение, какое не может быть охарактеризовано иначе, как словами — «униженное звание».

Русский профессор — такое же бесправное существо, как и русский студент или крестьянин. Он лишен самого минимума человеческих условий жизни, без которых немислимо осуществление идейной работы. Когда в газетных или журнальных статьях попадает формула — «профессор-чиновник», многие морщатся, будто от «либерального фразерства», или улыбаются «шаблонной хлесткости радикально-обличительного жаргона». На самом же деле это изречение воплощает в себе только печальную правду. Профессор действительно поставлен у нас в тесные рамки чиновничьей субординации. Принципом, обуславливающим положительную оценку профессора со стороны его «начальства» и укрепляющим прочность его на своем посту, является чаще всего не верность его своему научному долгу — ученая подготовка и преподавательская добросовестность, научный энтузиазм и идейная искренность, — а служебная корректность и «политическая благонадежность», т[о] е[сть] степень покорности его административным предписаниям свыше. В силу того именно, что дело профессора, по существу, может процветать лишь при полной свободе духа и действий в сфере научного влияния на юношество, — его фактическое положение оказывается подчиненным во многих смыслах гораздо сильнее, чем положение «чиновника других ведомств».

Официальный взгляд не признает профессора независимым «учителем науки», соприкасающимся в своем преподавании с политикой лишь в смысле, признаваемом им самым необходимым, и в направлении, определяемом его убеждениями при толковании и анализе проблем государственоведения, философии права, политической экономии или социологии. Административное

усмотрение возлагает на него роль активного практического проводника идей и защитника форм господствующего порядка. Он не просто обязывается правильно сообщать данные и объяснять истины своей науки по мере таланта и знаний и, освещая их, самостоятельно раскрывать философские и общественные идеалы в их теоретической природе, — он приглашается «развивать в слушателях здравые понятия в духе существующего строя». Если он этого не делает, не насилует своей науки, отдавая ее знамя на пропаганду (постоянно меняющихся) воззрений своего начальства (также постоянно меняющегося), а остается распространителем чистой научной истины, — на лекции его начинают смотреть, как на пропаганду уже разрушительных идей. «Можно так строить курс не только новейшей, но и средней, даже древней истории, что в умах слушателей капля по капле будет укрепляться противоправительственное направление». Вот в чем мораль и регламент^{1*}, которые вызовут протест не только в душе профессора-либерала или «тайного агитатора под ученою маскою» (таковые постоянно разыскиваются департаментом полиции среди университетских преподавателей), но возмутят всякого честного научного работника.

При подобной комбинации отношений профессор оказывается чиновником, легко попадающим в разряд заподозренных, почти подозрительных по самому званию, и потому над ним тяготеет в буквальном смысле особый явный и скрытый надзор так же, как над студентами, его учениками. Полиция становится неизбежным посредником между министром и профессором. В архивах попечителей учебных округов накапливаются любопытные записи профессорских лекций и речей, составленные агентами охранного отделения. Легко представить себе степень достоверности и осмысленности таких документов! А они, тем не менее, иногда служат единственным мотивом административной расправы. Нередко происходит, что тайному и почти всегда клеветническому доносу полиции на профессора в министерстве придается больше веры, чем правдивому, негодующему слову оговоренного против извета. Не всегда последнему даже предъявляется обвинение: бывает, что он отсекается «без объяснения причины». Часто не какое-нибудь реальное деяние, а просто чрезмерный страх властей за порядок во время смуты становится причиною насильственного прекращения деятельности профессора, случайно попавшего под колесо. Но об этой «прекарности» профессорского звания

¹ * В.И. Вернадский говорит, что покойный министр народного просвещения Н.П. Боголепов развивал теорию, что профессор должен являться необходимым звеном бюрократического механизма. Поставленные здесь в кавычках слова о воспитании здравых понятий и о яде профессорских лекций пишущему эти строки пришлось выслушать именно из его уст.

[Боголепов Николай Павлович (1846–1901) — российский государственный деятель, дважды ректор Московского университета, министр народного просвещения (1898–1901). В 1899 г. И.М. Гревс вместе с профессором Н.И. Кареевым и группой приват-доцентов подвергся репрессиям со стороны правительства — был отстранен от преподавания в университете секретным приказом министра народного просвещения Н.П. Боголепова в связи с происходившими студенческими беспорядками. — *Примеч. сост.*]

достаточно говорит В.И. Вернадский. Интересно бросить взгляд на обстановку жизни тех из профессоров, кто остается, кто, дорожа любимым делом, на подготовку к которому он потратил лучшие годы молодости, пробует сознательно отстраниться от всякого повода к нареканиям сверху.

Профессор, каковы бы ни были его взгляды, естественно, может прийти к выводу, что ему не следует затрагивать острые вопросы по общественной злобе дня в лекциях, обращаемых с кафедры к слушателям, и при работе с ближайшими учениками в лаборатории или семинарии. Добросовестному учителю науки прежде всего дорого помочь им стать зрелыми людьми в атмосфере серьезного научного труда и удержать их в интересах такой образовательной цели от преждевременных, не всегда разумных и сознательных политических увлечений. В видах этого он будет воздерживаться в своем преподавании от партийной тенденциозности, одухотворяя его лишь широким и прогрессивным теоретическим идеализмом. С первого взгляда может казаться, что так найден верный путь для охраны безопасности идейного воздействия профессора на студентов. Следить изо дня в день за содержанием преподавания и налагать руку даже на научную объективность администрация, конечно, не в силах.

Можно, казалось бы, надеяться, что для такого спокойного, беспристрастного профессора откроется фактическая свобода научного слова. Можно было бы мечтать, что под влиянием света и тепла, исходящего от убежденной научной речи, от воодушевленной идейной работы установится понемногу доверие между ним и слушателями, около его занятий вырастет живая ячейка, которая станет органом передачи духовной традиции. На такой солидной почве приобретенного ученого и нравственного авторитета, на фоне зародившегося в слушателях увлечения научною истиною и при развитии в них методического мышления профессор мог бы рассчитывать и на расширение своего влияния. Опираясь на достигнутое сближение и взаимное понимание с аудиториею, он мог бы постепенно вырабатывать в ее молодых членах сознательное и критическое отношение к современности. Общаясь со студентами, как близкий старший человек, он в силах был бы помогать им в определении гражданских понятий, прибегая при том к единственному достойному его способу действия, то есть не идя по дороге принудительного прилаживания к существующему, а выясняя им по убеждению свои принципы.

На это можно было бы надеяться, но на деле такая надежда оказывается напрасною: в той среде, где живет студенчество, нет воздуха, который давал бы дышать уравновешенному, проникнутому самосознанием умственному труду. Благополучно пройдет первая половина учебного года, сплотится вокруг рабочего стола профессора группа юношей, упорно ищущих знания; но во второе полугодие бурное движение, вызванное произволом администрации, полицейским насилием, даже бестактностью самих профессоров, наконец, просто крепким ветром, дующим из жизни, полной тревог, — такое движение

непременно снесет всю постройку. Поднявшаяся волна разрушит скромную школку образовательного дела, только что заложенную общими стараниями учителя и учеников.

Кто не знает, что так называемые беспорядки стали хронической болезнью наших высших учебных заведений с 1899 года¹. Значительная доля деятельности их начальников поглощается борьбой над их подавлением. Ректоры университетов, смотря по индивидуальной натуре каждого, озлобляются, либо расстраивают здоровье, сменяются за недостаток репрессивного усердия, либо сами уходят, истомленные тяжелыми и безрезультатными усилиями. Они редко встречают сочувствие и студентов, и товарищей и сами клянут должность, в принципе почетную и важную, на деле бессильную, разбивающую нервы, погребаящую научную работу, почти неизбежно портящую даже прочную репутацию. Профессора не могут помочь делу успокоением беспорядков, как бы мало они сами ни одобряли их по существу, как бы даже ни возмущались иногда их формой. Они не в силах сказать студентам внутренне верную мысль: «Учитесь! Вам рано выступать общественными деятелями! Будете бороться, когда узнаете жизнь; теперь делайте свое школьное дело и терпите трудности, налагаемые моментом!» В самом деле, нельзя не понять, что трудно учиться, когда чувства возбуждены оскорблениями, совесть страдает, задето достоинство. Бесплодно приглашать пылкую и несдержанную юность к примирению с условиями, которые сам еле-еле можешь переносить, признавая их невозможными и свое собственное положение безвыходным. Успокаивающий голос профессора замрет среди бурных криков протестующих от нравственной боли учеников. Даже если уляжется на минуту такая буря, профессорскому слову, приглашающему к порядку, не будет придано никакого веса и значения, потому что и профессоров студенты, естественно, обвиняют в своей беде.

Существующий строй делает профессоров участниками в насилиях, производимых над студентами. Это — верно прежде всего отрицательно: советы университетов лишены права руководить внутренней жизнью учреждений, за доброе имя которых они, однако, несут ответственность. У них отнята возможность содействовать гуманными средствами умиротворению волнений, но само молчаливое присутствие при мероприятиях инспекций, высшей

¹ В феврале — марте 1899 г. Российскую империю охватили студенческие волнения. Протестовали университеты Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Томска, Казани, Харькова, Варшавы и Одессы. Поводом для беспорядков стал праздник в честь дня основания Санкт-Петербургского университета — 8 февраля. Накануне юбилея в университете вывесили обращение ректора, в котором предупреждали учащихся об ответственности за нарушение общественного спокойствия. Тон обращения показался студентам оскорбительным, и за два дня до юбилея толпа сорвала и уничтожила объявление. Подробнее см.: *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи: учение сословие, о-во и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. С. 476–490.

администрации, внешней полиции таких глубоко заинтересованных в благосостоянии университетов лиц есть уже соучастие. Затем, и в положительном смысле профессора привлекаются к принудительному обузданию движений. Министры приказывают им под угрозой увольнения читать лекции перед очищенной аудиторией из апробованных слушателей, допускаемых по билетам, в то время как значительные элементы из студенчества на основании данных, часто произвольных, держатся за порогом университета и двери его охраняются жандармами; приходится играть трагикомедию преподавания в моменты, когда не может быть речи о занятиях среди смятенных и расстроенных умов. Их заставляют производить экзамены также под защиту полицейской власти, унижая науку превращением ее в орудие укрощения строптивых. Кроме того, профессора обязываются в качестве так называемых «кураторов» неудачных временных студенческих организаций насаждать среди учащихся начала, которым сами не сочувствуют, а в качестве членов университетского суда наказывать их за преступления против порядка, который не они установили и который давит их так же, как и студентов.

Профессора, поставленные в описанное положение, неминуемо должны терять доверие и уважение учащейся молодежи. Налагаемые на служителя науки дисциплинарные (почти полицейские) обязанности попирают все минимумы этических требований. Можно утверждать, что лишь немногие из профессоров независимого образа мыслей, только счастливые исключения среди уцелевших на своих кафедрах, способны сказать, положа руку на сердце, что существующий строй не заставил их ни разу покривить душою в актах своей университетской деятельности, хотя бы в форме молчания и подчинения, когда честь побуждала говорить и протестовать.

Современный устав сделал свое дело: он внес в профессорскую среду глубокое разьединение, поселил между профессорами серьезный разлад. Они — такие же «отдельные посетители» университета, как и студенты, и такое положение дезорганизовало профессорскую среду; оно пагубно повлияло и на отдельные личности, производя упадок духа, бюрократизируя темпераменты. Советы, лишённые компетенции по принципиальным вопросам, потеряли всякую инициативу. Они высказываются только по предписанию свыше, осуждают университетское настоящее^{1*}, но терпят его безмолвно, когда желания их кладутся под сукно министерских канцелярий. Дальнейшее существование

¹ * Такое осуждение было общим мнением советов всех университетов в их ответах на запросы министра П. С. Ванновского в 1901 г.

[Ванновский Петр Семенович (1822–1904) — министр народного просвещения Российской империи в 1901–1902 гг. В апреле 1901 г. П. С. Ванновский предложил советам университетов высказать свои соображения и предложения о желательных изменениях в уставах и штатах, а также представить ответы на ряд вопросов о системе высшего образования. Все советы университетов высказали единогласное мнение о необходимости введения автономии университетов и легализации студенческих организаций. — *Примеч. сост.*]

университетов при такой обстановке их жизни немыслимо: оно грозит полной деморализацией учащихся и учащихся, окончательным падением науки и распространением невежества и нравственной дряблости в новых поколениях, которые вступят в жизнь, пройдя через такую подорванную, разрушенную школу. Это должны без утайки сказать и правительству, и обществу все, понимающие беду. Некоторые уже так и сделали в настоящую важную и трудную минуту в жизни родины: высказались отдельные профессора и немногие советы высших учебных заведений. Очередь за другими. Такие голоса правды вправе ждать от правительства уважения: их искренние мнения, честно направленные на благо отечества, заслуживают почтительного внимания, а не оскорбительного приравнения к действиям его врагов, хотя бы и бессознательных. Необходимо выставить реформу образования в ряд неотложных задач первостепенной государственной важности. Необходимо предоставить при этом советам высших учебных заведений руководство преобразованием, для которого они — самые компетентные деятели, а всем сведущим или заинтересованным людям — свободу обсуждения вопроса.

Переживаемые нами теперь дни подъема внутреннего движения — дни радостные и в то же время тяжелые для русского человека, любящего родину не по казенной обязанности, а по свободному влечению сердца. Они радостны потому, что дали почувать, как прорвалась наконец сквозь грубые оковы произвола и самовластья смелая и гордая мысль. Они — тяжелы потому, что дорогую правду открыто и громко глаголют еще уста далеко не всех сознавших ее умов. Многие, знающие истину, по-прежнему скрывают ее в молчании по бессознательной привычке к неволе. Между тем пора провозгласить ее во всеуслышание могучим хором «сынов отечества», чтобы заявить о создавшемся сильном общественном мнении и тем сбросить с плеч обветшалую оболочку. Среди такого продолжающегося безмолвия богатых, но скупых, открывших сокровища, но таящих его (так в источнике. — К. Г., А. К.), глухнут голоса, раздавшиеся для призыва к борьбе за право и освобождение, и тем самым создается обманчивая иллюзия, что это — ничтожное меньшинство. Силы же столпов и устоев старого порядка, для которых свобода — враг, добывание ее — крамола, бодрствование духа — злонамеренность, крепнут, встречаясь с нерешительностью в тех, кто прозрел и озарен светом, но, выросший во тьме, еще боится его и спасается под покров опостылевшего, но все еще притягивающего мрака.

Среди нас есть люди, много людей, способных взять на себя провозглашение этого девиза и несение его. Образы таких же людей, которые являются примерами верного служения истине, видятся нам и из темного прошлого [18]80-х и [18]90-х годов, когда, казалось, «идеалы добра» особенно глубоко погружались в «злую действительность». Кратким словом воспоминания об одном из последних, теперь почти забытом труженике идеи закончу настоящую заметку.

Он действовал в тиши, но неуклонно насаждал чистое предание в молодых поколениях, проходивших через его нравственное влияние. Здесь особенно дорого в качестве такого образца «воспитателей духа» назвать именно одного из светлых университетских учителей в мрачную эпоху — покойного профессора Петербургского университета *Ореста Федоровича Миллера*¹.

Доброе семя, посеянное духовным общением с ним, остается важным элементом нравственного блага, хранящегося в душах его питомцев. Идеализм, общественность, бескорыстие и свобода были неизменными правилами его жизни, прозрачной, как кристалл. Он любил начертывать на своих портретах, которые дарил близким ученикам, следующие слова: «Мы живем в такие времена, когда за всякое, не только сфальшивленное, но и недоговоренное, слово приходится отвечать перед Богом»². Он всегда оставался сам верен этому взгляду «до последнего издыхания». Оттого-то мы, младшие друзья его последних лет, так сильно чувствовали его нравственное обаяние. В связи с именем Ореста Федоровича приходят на память два стихотворных отрывка, цитированных им в одной очень знаменательной в его жизни лекции. Уместно привести их здесь с несколькими словами из самой лекции.

«Свобода слова, — говорю это в напутствие моим лекциям вообще, — представляется мне не только *правом*, но *обязанностью* каждого гражданина. Как право свобода слова не есть что-либо даруемое и отнимаемое по человеческому велению; она есть прирожденный дар Божий, на который не может посягать никакая земная сила. Понятие это выразилось в известных стихах^{3*}:

Ведь наложить на разум цепи
И слово может умертвить
Лишь Тот, Кто властен вихрю в степи
И грому в небе запретить!⁴

Но это было и заветное понятие всей земской Руси, которая, предоставленная самой себе, спасла государство в смутную пору. Голос ее слышится в словах,

¹ Миллер Орест Федорович (1833–1889) — русский ученый, профессор истории русской литературы Санкт-Петербургского университета, один из близких учителей И. М. Гревса. С 1882 по 1887 гг. Миллер возглавлял Научное литературное общество при университете, куда входили в том числе И. М. Гревс и В. И. Вернадский.

² Фраза принадлежит О. Ф. Миллеру, который написал ее 11 февраля 1888 г. в альбоме «Знакомые». См.: Русская старина. 1889. Т. LXIII. Кн. IX. С. 663.

³ * Гр. [А. А.] Голенищева-Кутузова.

[Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848–1913) — прозаик, поэт, публицист. — *Примеч. сост.*]

⁴ И. М. Гревс цитирует последнее четверостишие стихотворения графа А. А. Голенищева-Кутузова «Для битвы честной и суровой...» (1884). Цит. по: После Пушкина: сб. стихотворений рус. поэтов / Сост. и изд. редакцией журн. «Русская мысль». М., 1890. С. 79.

со всею полнотою исторического понимания вложенных в уста Минину нашим народным драматургом^{1*}:

Не замолчу. На то мне дан язык,
Чтоб говорить. И говорить я буду
По улицам, на площади, в избе
И пробуждать, как колокол воскресный,
Уснувшие сердца. Вы подождите,
Я зазвоню не так. Не хочешь слушать,
Я не неволю — не люблю, не слушай;
А замолчать меня заставить трудно...»²

Выписка заимствована из речи покойного О.Ф. Миллера, обращенной к студентам после смерти Каткова^{3*}. Профессор развивал в ней славянофильский идеал демократического самодержавия, опирающегося на мнение земли, в противовес катковской доктрине полицейского абсолютизма, действующего через бюрократический произвол. За эту лекцию, в которой проф[ессор] Миллер не возражал против основного начала русского государственного устройства, он был уволен из университета министром Деляновым⁴. Перед нами встает здесь выразительный факт для суждения о несовместимости свободы слова с настоящими порядками. Нынешние защитники и представители их, вероятно, скоро рассеют последние сомнения о том, возможна ли она без государственных гарантий человеческих прав. Во всяком случае, оздоровление русской науки и высшей школы немыслимо без такой свободы. Поэтому совершенно правильно, что деятели науки, одухотворенные мужественною решимостью добиваться академической свободы и университетской автономии, должны соединиться в ассоциацию и собираться на съезды, организуя работу «viribus unitis»⁵, сплачиваясь против действующих по правилу — «divide et impera»⁶. Думается, что момент для этого настал.

¹ * А. Н. Островским.

[Островский Александр Николаевич (1823–1886) — русский драматург XIX века. — *Примеч. сост.*]

² И. М. Гревс цитирует слова К. Минина из пьесы А. Н. Островского «Козьма Захарыч Минин-Сухорук». См.: *Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 6. М.: Искусство, 1974. С. 32.*

³ * Напечатана в газете «Русский кур[ьер]» за 1887 г. № 267.

[См.: *Миллер О. Славянофилы и Катков* (воспроизведение на основании сказанного в Санкт-Петербургском университете) // *Русский курьер*. 1887. 28 сентября. № 267. С. 2. — *Примеч. сост.*]

⁴ Делянов Иван Давыдович (1818–1897) — министр народного просвещения, занимал эту должность с 16 марта 1882 г. до конца жизни. Проводил консервативную политику в области университетского образования. Именно с ним было связано появление в 1884 г. нового университетского устава, который значительно ограничил автономию университетов.

⁵ Общими силами, объединенными усилиями (*лат.*).

⁶ Разделяй и властвуй (*лат.*).

Для идейного развития необходимо спокойное и мирное течение жизни. Но идейный труд не терпит насилия. Приходится поэтому «крепнуть под грозой»... *Данте* громко провозгласил, что разум составляет все преимущество человека и обеспечивает его счастье; но великий поэт-мыслитель прибавляет, что разум может действовать только тогда, когда он свободен, как у гениальных философов древности.

Проф[ессор] Ив[ан] Гревс

Источник: Наши дни. 1904. 28 дек. № 10. С. 2–3.